

марованне

БАРБАРА
КАРТАЛЕНА

Скрытное
сердце

МАШИПМ

Барбара Картленд
Скрытое сердце

«АСТ»

1946

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Картленд Б.

Скрытое сердце / Б. Картленд — «АСТ», 1946

ISBN 978-5-17-100304-3

Юная, неопытная Сильвия Уэйс с радостью взялась бы за любую работу, а уж место гувернантки в доме богатого аристократа казалось ей и вовсе мечтой! Сильвия и представить не могла, что на новом месте ее ждут опасные приключения и жгучая, пылкая любовь к человеку, которого в свете считают истинным дьяволом.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-100304-3

© Картленд Б., 1946
© АСТ, 1946

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Барбара Картленд

Скрытное сердце

Глава 1

– Никогда не обряжала такого красивого покойника, – сказала миссис Бутл, распахивая дверь и входя в комнату. Ее грузная фигура словно заполнила собой все помещение, обставленное полированной мебелью со множеством безделушек.

Девушка, сидевшая у камина и пришивавшая черную шнуровку к плотной юбке из саржи, подняла голову от шитья.

– Можно мне пойти наверх? – спросила она.

Миссис Бутл, подойдя вплотную, нависла над ней, как огромная туча.

– Я, пожалуй, подожду минутку-другую. Да и тебе нужно собраться с духом. Первое время, когда видишь покойников, всегда немного не по себе. Холодные, как мрамор, и все же по-своему красивые. А уж твоя матушка – так настоящая красавица, можешь поверить мне на слово. Как-никак я уже тридцать пять лет обряжаю покойников во всей округе и, между прочим, делаю это лучше всех.

– Не сомневаюсь, – тихо произнесла Сильвия и поднялась, отложив шитье на скамейку, стоящую рядом со стулом, на котором она сидела.

Миссис Бутл уселась в кресло.

– А теперь, прежде чем ты пойдешь наверх и, как полагается, заплачешься, – сказала она, – я бы хотела перекусить. Видишь ли, работа у меня тяжелая, хотя и не самая плохая, и когда я ее заканчиваю, то обычно мне нужно немного подкрепиться.

– О, простите за невнимательность, миссис Бутл, – быстро ответила Сильвия. – Я, конечно же, дам вам что-нибудь поесть и выпить, но боюсь, что в доме ничего нет, кроме... чая.

– Ну что ж, достаточно и этого, – снисходительно ответила миссис Бутл. – По правде сказать, я бы выпила чего-нибудь покрепче, но что поделаешь – когда в доме нет мужчины, всегда так бывает. Так и быть, я согласна на чашку чая и что-нибудь к нему. Что там, ты говорила, лежит в кладовке?

– По-моему, там несколько яиц и остатки пирога.

– Это вполне меня устроит, – согласилась миссис Бутл. – Если тебя не затруднит, свари их всмятку, чтобы я могла перекусить, пока ты будешь подогревать пирог. И не забудь, я люблю, чтобы чай был крепкий. По-настоящему крепкий. Мне нужно немножечко взбодриться!

– Я постараюсь сделать все как можно быстрее, – пообещала девушка.

Стремительно выйдя из гостиной, она прошла через неосвещенный холл и спустилась по лестнице в кухню, распложенную в полуподвальном помещении. Там пахло сыростью и плесенью, этот запах не выводился, несмотря ни на какие усилия, но зато там было тепло от раскаленных углей, тлеющих в большой черной плите. Сильвия поставила кипятить чайник и заглянула в кладовку. В ней оказалось всего два яйца. Если отдать их миссис Бутл, то ей самой на ужин уже ничего не останется.

«А мне ничего и не надо», – подумала она, но вдруг, к собственному удивлению, ее охватило острое, прямо-таки болезненное чувство голода. Девушка ничего не ела с тех пор, как умерла ее мать. До сих пор любая мысль о еде вызывала у нее отвращение, но сейчас она вынуждена была честно признать, что очень голодна. Сильвия приготовила несколько тостов к яйцам для миссис Бутл, а обрезанные корки съела сама.

Ей пришло в голову, что в такие минуты жизни непозволительно думать о еде, но она тут же, сказала себе, что подобные мысли просто чепуха.

Если бы сейчас можно было заплакать или впасть в прострацию от горя, то она сделала бы это из жалости к себе, а не к матери. Все эти долгие шесть лет, пока Мэри Уэйс была неизлечимо больна, никто лучше Сильвии не знал, каково это: изо дня в день, в выходные и праздники, практически без передышки ухаживать за матерью. Несмотря на кажущееся улучшение, мать изводила ее своими придирками и капризами, хотя Сильвия, конечно, понимала, что причиной тому необычный характер болезни.

Страдания несчастной были столь тяжки, что, без сомнения, смерть казалась лучшим исходом. Врачи не могли ничем помочь, и то, что она так долго не могла умереть, было настоящей пыткой. В то утро, когда Сильвия вошла в спальню матери и увидела ее мертвой, она испытала сильное потрясение. Сначала девушка никак не могла поверить, что это правда. Но затем, почувствовав, как вдруг сильно заколотилось сердце, пристально всмотрелась в белое, худое лицо матери и поняла: страдания несчастной закончены. Теперь Мэри Уэйс выглядела намного моложе. Все следы мук и волнений исчезли, словно смерть стерла их с ее лица. Она умерла во сне, с легкой улыбкой на губах, и Сильвия, глядя на нее, поняла, что не останется сил притворяться и изображать сожаление о том, что матери не стало.

Теперь, когда Сильвия стояла на кухне и готовила ужин для миссис Бутл, ей вдруг стало ясно как никогда, что если по кому и стоило лить слезы, так это о ней самой.

Что ожидает ее в будущем? Со смертью матери не стало и ее пенсии. И хотя это были жалкие гроши, они все же давали возможность кое-как сводить концы с концами и выживать – при условии жесткой экономии, когда велся строгий учет каждому пенни.

«Мне двадцать один, – подумала Сильвия. – Но что я знаю о жизни?» Ответ на этот вопрос был яснее ясного. Она не имела ни малейшей возможности чему-нибудь научиться, только и умела, что ублажать капризную страдальцу, прислуживать и исполнять роль неопытной сиделки, чистить и скрести, штопать протертое до дыр платье, чтобы поносить его хоть пару месяцев.

Кому, скажите, могли пригодиться эти ее таланты? Разве что мужу? Но у нее почти не было шанса выйти замуж при таком образе жизни.

Дом не был их собственностью, и они уже задолжали за аренду. Мебель принадлежала матери, но Сильвия прекрасно знала, что никакой ценности эта рухлядь не представляет. Все то, за что скупщики могли заплатить, уже давно продано.

Ну вот, яйца сварились, да и чайник вскипел. Сильвия заварила чай, положила разогревать пирог и понесла поднос наверх.

Миссис Бутл дремала, уютно устроившись в кресле, вытянув ноги и свесив голову на необъятную грудь. Когда Сильвия вошла в комнату, миссис Бутл вздрогнула и проснулась.

– Только вздремнула, дорогая. Я так устала. Эта ужасная погода действует на всех, кому приходится выходить из дому. Сегодня утром я как раз говорила об этом с мистером Бутлом. И что хорошего может принести в новом году этот промозглый ветер, от которого кости стынут? От нового, 1903 года люди ждут мира и благоденствия, а может случиться так, что и глазом не успеешь моргнуть, как половина населения вымрет от пневмонии.

– Избави Бог, – воскликнула Сильвия, накрывая сервировочный столик и ставя на него поднос.

– У меня работы невпроворот, – заметила миссис Бутл. – Нам просто необходим кто-нибудь еще в этом районе. Конечно, никто из моих постоянных клиентов не захочет, чтобы за ними ухаживал кто-то, кроме меня. Они мне постоянно говорят: «Уж и не знаем, миссис Бутл, что бы с нами было, если бы не вы». И мне просто нечего им возразить, честное слово, нечего.

– Должно быть, это по-своему интересная работа, – предположила Сильвия.

– И да, и нет! – ответила миссис Бутл. – Годы берут свое, и, признаюсь, порой такая жизнь мне уже не по силам. Невозможно даже поесть спокойно: то кто-то стучится в дверь и слезно умоляет срочно пойти к нему, потому, что его жена плохо себя чувствует, то доктор говорит, что какой-то джентльмен в палате номер 16 вряд ли протянет до утра и что мне бы лучше посидеть с ним. Он, конечно, всегда старается предупредить меня заранее, чтобы я могла согласовать свои планы, но когда мне кажется, что все уже улажено, опять случается что-то непредвиденное, как в случае с вашей матушкой.

– Я очень сожалею... – пробормотала Сильвия.

– Ну что ты, дорогая. Это же не в нашей воле. Все в руках Божьих. Когда Он готов нас забрать, то какие могут быть возражения? Это, конечно же, вызывает массу хлопот и является потрясением для родственников. Что-то ты очень бледная. Может быть, выпьешь чашечку чая? На подносе как раз стоит еще одна.

– Да, пожалуй, миссис Бутл. Но не такого крепкого, как у вас. Добавьте в него, пожалуйста, немного воды.

– Я всегда говорю, ничто так не помогает, как чашка чая и полная чайная ложка сахара. Хорошенько угощайся, дорогая, подсласти по своему вкусу.

– Спасибо, – пробормотала Сильвия и присела на стул напротив миссис Бутл.

– Так вот, как я уже говорила, – продолжала та, – мне нравится, чтобы все было заранее спланировано и заказано. По-моему, три дня – это как раз тот срок, который необходим для похорон. Этого времени достаточно для того, чтобы сообщить всем об утрате. Меня всегда так трогает ритуал прощания с покойником. Но только не стоит его очень затягивать, потому что люди от этого устают. В особенности мужчины. Ты ведь знаешь, какие они нетерпеливые. – Эти слова были произнесены презрительным тоном человека, не очень хорошо относящегося к противоположному полу.

Увидев, как изменилось выражение лица Сильвии, миссис Бутл спохватилась.

– Ну-ну, не расстраивайся так. Возможно, это был самый счастливый час для твоей матушки. Так или иначе, в настоящий момент она в лучшем мире.

– По крайней мере, она избавилась от боли, – тихо заметила Сильвия.

Миссис Бутл согласно кивнула.

– Да, за это всегда нужно быть благодарным. Ты уже распорядилась о похоронах?

Сильвия кивнула.

– Да, доктор послал за могильщиком. Но все услуги такие дорогие. Даже не представляю, как я за все это рассчитаюсь.

– А ты сообщила родственникам? – испуганно спросила миссис Бутл.

– Да, конечно, но я бы лучше заплатила за все сама. У нас немного родственников: только мой дядя Октавиус, брат отца. Он викарий в соборе Святого Матфея в Гастингсе. Я послала ему телеграмму. Надеюсь, что завтра получу ответ.

– Полагаю, он заберет тебя к себе, – заметила миссис Бутл.

Услышав это, Сильвия просто окаменела, а затем с усилием произнесла едва слышно:

– Боюсь, что да.

Миссис Бутл налила себе еще чашку чая.

– Ты не любишь его? Сильвия покачала головой.

– Он хороший человек, я уверена в этом. Но я жила у него, когда была ребенком, и у меня остались не очень хорошие воспоминания об этом времени. Мои кузины и тетя никогда не давали мне забыть о том, что я бедная родственница, – произнесла Сильвия. А затем, немного помолчав, добавила: – Им не нравился мой отец и некоторые из его родственников.

– Я знаю таких людей, – сказала миссис Бутл. – И все-то им не так, вечно они недовольны. Я, таких частенько встречала. Они считают себя христианами, но ты бы удивилась тому, что я про них знаю. Это касается и священников. – Надеюсь, что он предложит мне

жить у них, – сказала Сильвия, – и я должна буду принять это с благодарностью. У меня нет другого выхода.

Говоря это, девушка смотрела в камин, но вместо пламени видела большой, великолепный дом викария в Гастингсе, тонкогубое, с острыми чертами лицо тетушки и своих кузин, брезгливо рассматривающих ее поношенную одежду и заштопанные чулки. Затем она услышала, как резкий голос дяди произнес:

– Надеюсь, Сильвия, ты понимаешь, что никогда не должна произносить его имя в этом почтенном доме.

И услышала, как в ответ на это прозвучал ее собственный, полный слез голос:

– Да, дядя. Конечно, понимаю.

– Ты должна забыть его, вычеркнуть из своей памяти все воспоминания о нем.

Но судя по холодному блеску глаз, сам дядя вовсе не думал об этом забывать и собирався изводить ее упреками при каждом удобном случае.

Не в силах больше думать о таком унижении, Сильвия закрыла лицо руками.

Невыносимо было сознавать, что ей предстоит снова возвращаться туда, где ее ожидала роль прислуги, которой даже не будут платить, с которой будут обращаться как угодно, потому что она никогда не отважится покинуть этот дом. Она станет прислуживать тете, которая никогда не любила ее, двоюродным сестрам, всегда относившимся к ней с презрением. И все это – под постоянным надзором дяди Октавиуса.

В порыве отчаяния она бросилась к миссис Бутл.

– О миссис Бутл, не найдется ли у вас для меня хоть какой-нибудь работы, пусть даже самой тяжелой. Не может же быть, чтобы совсем ничего не нашлось! Я согласна на все. Я буду очень стараться. Поверьте! Ну, придумайте же хоть что-нибудь!

Миссис Бутл почесала затылок.

– Трудно найти что-нибудь подходящее для юной леди. Да мне и не приходилось решать такие проблемы. Я думаю, что, если бы у меня была дочь твоего возраста, я бы ее куда-нибудь определила, а еще лучше выдала бы замуж за какого-нибудь достойного парня. Ну а что касается тебя... что ты вообще умеешь?

– Я думаю, что могла бы быть гувернанткой, – высказала предположение Сильвия. – Но я так мало знаю. Я получила не очень хорошее образование, а за те годы, пока ухаживала за матерью, у меня почти не было времени читать.

– Но ведь для этого надобна рекомендация, – заметила миссис Бутл. – Ты ведь знаешь этих господ, к ним без этого и не подходи. У меня другое мнение. Я об этом и мистеру Бутлу недавно сказала. Я считаю так: что толку в какой-то бумажке? Лично мне достаточно лишь раз взглянуть на человека, чтобы понять, что он собой представляет.

– А еще я могла бы быть продавщицей. Миссис Бутл засмеялась.

– Вот уж для этой работы ты никак не годишься. Ты совсем не похожа на тех грубиянок, которые там работают, а кроме того, тебе ведь надо будет где-то жить. Как бы ты смогла существовать на несколько шиллингов в неделю в том ужасном окружении, на которое ты была бы обречена, если бы не занялась... ну ты понимаешь чем. Нет, моя дорогая, боюсь, что тебе придется отправиться к своим родственникам.

– О миссис Бутл, – воскликнула Сильвия в отчаянии, и ее глаза медленно стали наполняться слезами.

Миссис Бутл поспешно взяла чайник.

– Ну не надо так расстраиваться, дорогая. Все утрясется рано или поздно. Ну же, выпей еще одну чашечку чая. Ну-ну, успокойся. Сходи, завари еще чайку и, кстати, посмотри, как там мясной пирог.

– О Господи! Надеюсь, он не сгорел! – в испуге воскликнула девушка.

Она вскочила и, схватив чайник, побежала на кухню. Миссис Бутл посмотрела ей вслед.

– Хорошая девушка, – задумчиво произнесла она тем тоном, которым говорят люди, привыкшие открыто высказывать свое мнение. – Но слишком уж красивая.

Лучше уж ей жить в доме викария, хотя там будет нелегко. – Затем, услышав, что девушка возвращается, миссис Бутл оживилась и нарочито громким голосом сообщила: – У меня есть идея, дорогая! Она только что пришла мне в голову. Не хочу тешить тебя напрасными надеждами, и вообще, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это как раз то, что тебе нужно.

– О чем вы говорите, миссис Бутл? Ради Бога, скорее скажите, – воскликнула Сильвия, ставя чайник на стол.

– Мне не хотелось бы, очень много распространяться об этом. Видишь ли, одна леди, достойнее которой я никогда не встречала, сказала мне кое-что на прошлой неделе. И вот сейчас я вспомнила об этом. Вот ее слова: «Бутл, если что-нибудь случится со мной, я прошу тебя найти кого-нибудь такого же надежного, как ты – эта леди всегда так щедра на похвалу, – чтобы он доставил Люси, – это ее маленькая дочь – по определенному адресу. Это очень важно, Бутл». Я почти забыла о просьбе этой достойной леди, так как ничто не предвещало ухудшения ее состояния. Но сегодня утром, как раз после того как я получила записку о том, что нужно зайти к вам, я встретила на улице с доктором и остановилась, чтобы поговорить с ним. После сообщения о смерти твоей матушки он сказал мне, что состояние миссис Кэнингэм сильно ухудшилось, что у нее снова плохо с легкими и что он ничем не может ей помочь. А еще он сказал, что не удивится, если не сегодня-завтра она умрет. Веришь ли, я была просто потрясена, потому, что совсем не ожидала услышать что-либо подобное. «Неужели все так плохо, доктор?» – воскликнула я, и он только кивнул в ответ. Он попросил меня при первой же возможности навестить миссис Кэнингэм, потому что на ее служанку, эту дуручку, нет никакой надежды. Я пообещала ему, что, как только у меня будет свободная минутка, обязательно схожу к этой бедной леди.

– Вы считаете, что она доверит мне свою маленькую дочь? – спросила Сильвия. – Что-то не верится.

– Кто знает, – загадочно промолвила миссис Бутл. – Иногда в жизни происходят такие вещи, которых мы никак не ожидаем. И позволь мне дать тебе один совет, дорогая. Если ты хочешь чего-то добиться в этой жизни, то не должна упускать ни единого шанса, который тебе дает судьба. Я сколько раз говорила мистеру Бутлу: «Ну вот, Фред, ты опять упустил свой шанс!» Так-то он человек верный и надежный, но не видит дальше своего носа. Нет в нем, право, никакого воображения. Но вернемся к тебе, дорогая. Если ты понравишься, миссис Кэнингэм, этой леди до мозга костей, и если Люси привяжется к тебе, то твоя жизнь может сильно измениться.

– О, миссис Бутл, как это прекрасно. Невозможно поверить, чтобы так случилось. Прошу вас, узнайте обо всем, может быть, вы сможете помочь мне?

– Вот что я сейчас сделаю, – сказала решительно миссис Бутл. – Я пойду к ней и возьму тебя с собой.

– Нет, нет, я не могу, – возразила Сильвия. – Я, в самом деле, не могу. Что она подумает. А потом, мама... – Девушка подняла глаза.

– Если миссис Кэнингэм действительно так больна, как сказал сегодня утром доктор Доусон, то тебе нужно увидеться с ней, как можно скорее, – заметила миссис Бутл. – А что касается твоей матушки, она уже не сможет возразить – да она, и не стала бы, будь она жива, бедняжка; она ведь, несомненно, желала добра своей дочери.

– Нет ничего страшнее, чем жизнь у дяди Октавиуса, – задумчиво произнесла Сильвия.

– Вот и не упускай свой шанс, – заметила миссис Бутл. – Иди-ка быстренько наверх и надень свою лучшую одежду. Да прихорошись и приведи себя в порядок. И не обязательно надевать черное, – добавила она, заметив, как Сильвия потянулась было за юбкой, лежащей рядом на стуле. – Мало кто в городе знает, что у тебя умерла мать, да и темно уже. Кто тебя увидит? А миссис Кэнингэм никого не знает в вашем квартале. Да и вообще она всегда вела очень замкнутый образ жизни. Так что поспеши, дорогая. Делай так, как я говорю, а я пока полакомлюсь пирогом.

Сильвия послушно взяла масляную лампу, стоявшую на окне в холле, прибавила света и медленно пошла наверх. Дойдя до второго этажа, она остановилась, затем, сделав явное усилие над собой, вошла в комнату, где лежала ее мать.

Она стояла у края кровати и смотрела на застывшую фигуру. Миссис Бутл сказала правду: Мэри Уэйс была прекрасна. И она выглядела так, пожалуй, впервые в жизни. Только сейчас Сильвия заметила, как сильно она похожа на мать. Такие же нежные и совершенные черты лица, такой же высокий лоб и красивые брови. Но за время болезни у матери уже появилась преждевременная седина, и волосы стали тусклыми, в то время, как у Сильвии они были золотистыми, как спелая пшеница, и блестели в свете лампы. Девушка постояла так несколько мгновений, глядя на покойную, потом шепотом произнесла:

– Помоги мне, матушка. Помоги, где бы ты ни была сейчас. Я не хочу ехать к дяде Октавиусу.

Затем отошла от кровати и, тихо прикрыв за собой дверь, направилась в свою комнату. Она была узкая, как вагон, холодная зимой и душная летом, а кроме того, ее трудно было назвать местом уединения, потому что сквозь стенку из коридора постоянно доносились голоса. И все же именно здесь Сильвия проводила те редкие счастливые минуты, когда могла расслабиться и побыть самой собой. Здесь она размышляла и просто смотрела на свое отражение в зеркале, висевшем над комодом красного дерева, думая о том, произойдут ли когда-нибудь изменения в ее жизни или все так и будет продолжаться с монотонной неизменностью до самой старости, когда уже ничто не будет волновать.

Иногда ее преследовали дерзкие мысли о том, что могло бы быть, если бы она осмелилась проявить характер и бросить вызов обстоятельствам, как это делали другие. Но она всегда знала, что это всего лишь болезненное воображение человека, чей ум лишен какой-либо пищи и отягощен одними и теми же, тяжелыми думами. Она пыталась молиться, но и молитва не приносила ей облегчения, потому что религия всегда ассоциировалась у нее с дядей Октавиусом.

В этой комнате Сильвия познала одиночество. Одиночество, которое нельзя описать словами, одиночество, которое временами даже, более невыносимо, чем сейчас, когда она осталась одна на всем белом свете, потому что, то было одиночество души, лишенной надежды.

И вот теперь эта надежда, хотя и очень слабо похожая на правду, наконец, появилась.

Сильвия не очень-то тешила себя мыслью, что она сможет осуществиться, но, тем не менее, с какой-то необъяснимой для нее пылкостью, если это можно так назвать, достала из гардероба лучшее платье и надела его. Оно было до невозможности устаревшее, и девушка это хорошо знала. Рукава недостаточно пышные, юбка – коротковатая, но оно ей шло. Нежный голубой цвет дешевого материала оттенял белизну ее кожи и блеск волос, а белые кружева вокруг шеи, схваченные голубым бантом, казалось, подчеркивали ее молодость и наивность.

Ей всегда нравилось это платье, она радовалась, когда сшила его. Радовалась по той простой причине, что была весна, и внутри у нее ощущалось волнение, необъяснимое, но прекрасное, отчего девушка чувствовала себя счастливой. На платье она накинула темно-серое, из плотного сукна пальто со шнуровкой, которое носила уже пять лет. Когда-то

оно было вполне добротным. Его прислали в качестве подарка из дома викария, и она скрепя сердце вынуждена была написать письмо, в котором выразила неискреннюю благодарность. Пальто оказалось просто безобразным. Сильвия полагала, что какая-то из ее кузин по ошибке купила его себе, но пожалела о покупке. Затем, возможно, все же поносила его немного и отказалась, хотя оно было еще совсем новым. Девушка догадывалась, что такая «неслыханная щедрость» со стороны ее богатых родственников была не чем иным, как попыткой успокоить себя мыслью о благотворительности и не переживать о напрасно потраченных деньгах. Казалось, она слышала, как кузины говорили:

– Бедная Сильвия. Она будет очень благодарна. А как иначе, ведь оно стоит денег!

Мысль о том, что ее называют «бедной Сильвией», уязвила ее, но совсем не в такой степени, как если бы она услышала эти же слова, произнесенные их фальшивыми голосами. Сестры ненавидели ее. А почему, собственно, они должны были ее любить?

Некрасивые, нескладные. На таких, сколько денег ни тратить, все равно впустую. Что с того, что они носили шелка и атлас, бомбазин и кружева, когда их маленькие широкие пороссячьи носики были всегда красными, а их злобные маленькие глазки едва виднелись из-за толстых щек. Перекормленные и избалованные!

Сильвия ненавидела их с самого младенчества, после того, как они обвинили ее в том, что она покрасила волосы. Она так хорошо помнила голос тети:

– Скажи, Сильвия, твоя матушка что-нибудь добавляет в воду, когда ополаскивает твои волосы?

– Иногда немного лимонного сока, тетя Эмили.

– Хм, возможно, поэтому-то у них такой цвет. Я вынуждена буду сказать ей, чтобы она в дальнейшем не делала ничего подобного. Это привлекает к тебе внимание, что очень нежелательно.

Сильвии никогда не забыть то, каким тоном это было произнесено и с какими презрительными насмешками встретили ее кузины, когда она вошла в детскую.

– Да она у нас, оказывается, красит волосы! Привлечь внимание хочет, ха-ха-ха!

Они довели Сильвию до слез. И только гораздо позднее она поняла, что за всеми многочисленными замечаниями тети по поводу ее, Сильвии, внешности таилась досада и зависть. Девушка была обязана своей внешностью семье матери. Уэйсы же были невзрачные, коренастые и неприметные. И для них было просто невыносимо, что Артур, самый младший из братьев, которого они считали паршивой овцой в их семье, женился на красавице. Если бы его дети походили на него, возможно, родственники и простили бы ему некоторые недостатки.

Но Сильвия унаследовала черты матери и уже с самого раннего детства поняла, что ее внешность стала оскорблением для дядюшки и его семейства.

Девушка надела скромную шляпку из фетра, украшенную только маленьким пучком перьев зимородка, который немного оживлял неприглядный головной убор. Но, несмотря на то, что ее одежда была дешевой и заурядной, она почувствовала, как это часто случалось и раньше, что выглядит очень нарядно. Возможно, оттого, что уж больно хорош был цвет ее волос, что так сияли глаза и такими яркими были губы. Последнее время с ее лица не сходила неестественная бледность, но в этот момент от возбуждения, вызванного предстоящим волнующим приключением, на щеках появился легкий румянец.

Она натянула шляпку немного поглубже, как будто стараясь скрыть свое величие, и, как бы в недоумении пожав плечами, направилась к двери.

И только подойдя к ней, полностью осознала, что она делает. В комнате напротив, лежит ее покойная матушка, а она думает только о себе. На мгновение ей пришла мысль о недопустимости того, что она собирается сделать. Ей нельзя никуда уходить! Вместо этого нужно остаться дома и скорбеть, как это принято. Но затем она откинула назад голову и,

высоко, как факел, подняв лампу, стала спускаться по ступенькам, снова и снова повторяя с мольбой и смирением: «Ради Бога, пойми, прошу тебя, пойми!»

Глава 2

На улице шел снег, и было уже довольно темно. Громадная фигура миссис Бутл с развевающейся на ветру шерстяной накидкой в мерцающем свете фонарей, бросающих длинные тени, казалась уродливой и зловещей.

Пулбрук был маленьким городком, в центре которого проходила длинная улица с богатыми домами и большим количеством магазинов, принадлежавших состоятельным горожанам. За всем этим великолепием, как лабиринт, перепутались узкие улочки, проулки и тупики. Здесь, в своих убогих тесных домиках, жили бедняки. С наступлением темноты никто из более уважаемых жителей Пулбрука, не отваживался появляться в этом районе.

Но миссис Бутл все хорошо знали, и никому и в голову не пришло бы каким-то образом помешать ее продвижению, а то, что на нее кто-нибудь мог напасть, представлялось уж и вовсе невыносимым.

Она была единственной акушеркой в городе, и хотя все знали о ее пристрастии к спиртному, о том, что ей лучше не попадаться на язык и что порой она бывает очень грубой, особенно с теми, кто тревожит ее по ночам, почти все женщины в Пулбруке были так или иначе, благодарны ей за помощь.

Были, однако, и такие люди, особенно в более зажиточной части города, которые считали, что миссис Бутл слишком уж добра к некоторым и что частенько за свою доброту и получает очень даже немалые деньги. Но хотя последние годы этот слух и полз по городу, до серьезного скандала, при котором ее обвинили бы в нарушении закона, никогда не доходило. А так как ничего нельзя было доказать, люди держали свои подозрения при себе.

Несмотря на свои внушительные размеры, миссис Бутл шла очень быстро, и Сильвии приходилось спешить, чтобы не отстать от нее.

– Ну и погода, – проворчала миссис Бутл.

Они свернули с центральной улицы на окраину и вскоре подошли к открытым белым воротам, за которыми виднелась аллея. Здесь за городом было тихо и спокойно, но Сильвия внезапно почувствовала, что нервничает и даже немного побаивается того, что ее ожидает. Слегка отдышавшись от слишком быстрой ходьбы, она робко обратилась к своей спутнице:

– А вам не кажется, миссис Бутл, что мне лучше подождать на улице до тех пор, пока вы не увидите с миссис Кэнингэм. Может быть, она и не захочет говорить со мной?

– Вот что, дорогая, предоставь мне самой решать, что и как делать, – возразила миссис Бутл. – Когда я берусь за какое-нибудь дело, то всегда довожу его до конца и очень хорошо знаю, как надо себя вести с женщинами. Будь они знатного или низкого происхождения: их нужно сразу же брать в оборот и не соглашаться на пустые обещания и всякие такие фразы вроде «там будет видно». Нужно заставить их принять решение тут же, не откладывая на завтра, иначе никогда ничего не добьешься в этом мире. Запомни это.

Совершенно смутившись, Сильвия закивала в знак того, что постарается запомнить наставления миссис Бутл. Тем временем они подошли к парадному крыльцу, украшенному фронтоном, с двумя белыми колоннами.

Миссис Бутл дернула за шнурок, и где-то далеко в глубине дома раздался требовательный звон колокольчика. Прошло несколько мгновений, и за дверью послышались шаги.

Дверь открыла совсем еще молодая горничная. У нее было испуганное лицо, а кружевной чепец съехал набок.

– О миссис Бутл! – воскликнула она, увидев, кто пришел.

– Ожидаете меня? – откликнулась миссис Бутл, проходя вперед. Холл был довольно большой, с лестницей, ведущей к площадке с балконом, на которую выходили двери

нескольких спален. Когда они вошли в дом, одна из этих дверей открылась, и выглянул человек. Увидев, кто пожаловал, он изменился в лице и, тихо закрыв за собой дверь, быстро вышел на площадку.

– Миссис Бутл, наконец-то.

– Добрый вечер, доктор, – ответила миссис Бутл веселым, бодрым голосом. – Вы хотели меня видеть?

Доктор Доусон спустился по ступенькам.

– Хотел видеть! Да я весь день посылал за вами людей. Где, черт возьми, вы прятались? В городе не осталось ни одного места, где бы вас ни искали, включая самые известные кабаки.

Снимая свои черные перчатки, миссис Бутл взглянула на доктора тем безропотно терпеливым взглядом, каким любящие матери, должно быть, смотрят на своих умственно отстающих детей.

– Разве вы забыли, что сегодня днем я обряжала миссис Уэйс?

– О Господи! – воскликнул доктор. – Так вот где вы были! Какой же я рассеянный. Обо всем подумал, но только не о миссис Уэйс.

– Так вот. Я была именно там, – еще раз повторила миссис Бутл. – А в чем, собственно, дело? Что за срочность, могу я узнать?

– Конечно же, сегодня утром я говорил вам о том, что миссис Кэнингэм плоха. Так вот, примерно в полдень ей стало хуже. Ее прислуга – эта истеричка – примчалась ко мне в таком состоянии! Она даже не удосужилась надеть шляпку и пальто. Правда, ее волнение можно объяснить. У миссис Кэнингэм пошла кровь горлом. Я отправил сегодня утром телеграмму с тем, чтобы прислали сиделку, но вряд ли она прибудет раньше завтрашнего дня. Между нами говоря, – он понизил голос, – я не думаю, что бедняжка столько протянет. Я, конечно же, хотел сообщить родственникам, но, поверите ли, она не назвала мне ни одного имени и попросила лишь позвать вас, миссис Бутл.

– Я это предвидела, – промолвила миссис Бутл, явно очень довольная услышанным. – Я знаю, что не дает покоя этой бедной душе, и думаю, что помогу ей успокоиться. Сейчас же пойду к ней. А ты, дорогая, подожди здесь, – сказала она, обращаясь к Сильвии.

Миссис Бутл пошла вверх по лестнице, а Сильвия и доктор, оставшись одни, посмотрели друг на друга с некоторым смущением.

– Я пришла, потому что... – начала, было, Сильвия, но доктор прервал ее объяснения:

– Я очень рад видеть вас, мисс Уэйс. Очень хорошо, что вы наконец-то вышли на улицу, и хоть немного подышали свежим воздухом. Вы так долго сидели взаперти. Вы, наверное, уедете из Пулбрука теперь, когда ваша матушка... – Он запнулся, как будто подыскивая подходящее слово.

– Я еще не знаю, – ответила Сильвия.

Доктор Доусон ничего не сказал, а девушка неожиданно поняла, как, в сущности, мало знает о себе и своем будущем. Ей очень даже нравился доктор Доусон, хотя иногда она чувствовала раздражение оттого, что он не мог избавить ее мать ни от боли, ни от жизни, которая стала ей настолько в тягость. Теперь она вдруг отчетливо осознала, что перед ней усталый стареющий человек, у которого не ахти какие познания в медицине. Его пиджак был в пятнах и протерся на обшлагах; плохо отутюженные брюки отвисли на коленях; белье не очень свежее, к тому же он не очень тщательно выбрился. Неожиданно острое чувство жалости к этому человеку пронзило Сильвию. У нее было такое ощущение, что он и сам осознает свою полную неспособность справиться с болезнью миссис Кэнингэм.

– Смерть – это такое потрясение, – промолвила Сильвия, понимая, что говорит банальность, но чувствуя, что что-то надо сказать.

Доктор Доусон вздохнул и, как будто сделав усилие над собой, постарался поддержать разговор.

– У вас есть родственники, которые будут заботиться о вас, мисс Уэйс? – спросил он.

– Мой дядя должен приехать завтра, точно не знаю когда, – ответила девушка. – И я уверена, доктор, что он оплатит все счета.

Сильвия произнесла это, абсолютно сконфузившись. Доктор Доусон улыбнулся ей в ответ.

– Мисс Уэйс, я вовсе не думал о деньгах, когда оказывал вашей матушке те небольшие услуги. Я знаю, в каких обстоятельствах вы жили, и уверяю, я приму это во внимание, когда предъявлю вам более чем скромный счет.

– Спасибо, – тихо произнесла Сильвия, смущенная такой щедростью и сознанием того, что не сможет отказаться.

В следующий момент миссис Бутл вышла на площадку.

– Не могла бы ты подняться? И вы доктор тоже.

Сильвия и доктор Доусон рука об руку поднялись вверх и, когда дошли до площадки, миссис Бутл шепотом сказала:

– Прошу вас, дайте ей какое-нибудь лекарство. Бедняжка еще многое хочет сказать перед тем, как уйти навсегда.

Доктор Доусон взглянул с некоторым сомнением.

Миссис Бутл задала ему еще один вопрос таким тихим голосом, что Сильвия ничего не расслышала. Казалось, он все еще колебался, но затем сказал:

– Теперь уже не повредит, я полагаю.

Миссис Бутл сопровождала их в спальню. Это была большая комната, и Сильвии она показалась просто невероятно шикарной. За решеткой камина горел огонь, а окна были завешаны шторами из нежного розового дамаста. Миссис Кэнингэм, обложенная подушками, лежала на широкой кровати, застеленной кружевным покрывалом. Сильвии сразу же бросилось в глаза то, что она очень красива, но когда девушка приблизилась, то заметила, какое у больной изможденное лицо. Резко выступающие скулы обтянуты желтой, похожей на пергамент, кожей. А шея такая тонкая, что вряд ли уже в состоянии была удержать голову с копной вьющихся волос, разметавшихся по подушке.

Миссис Бутл подошла к кровати и вытерла губы миссис Кэнингэм батистовым носовым платком.

– Это мисс Уэйс, мадам, о которой я вам говорила, – сказала она. – Вы просили меня найти кого-нибудь надежного. Она – девушка благоразумная. Настоящая леди. Лучшей кандидатуры, мне не сыскать.

Миссис Кэнингэм посмотрела на Сильвию неестественно большими темно-кариими глазами.

– Подойди поближе, дорогая, – обратилась миссис Бутл к Сильвии, подталкивая ее к кровати. – Она слишком слаба, чтобы говорить громко.

Сильвия, послушно приблизилась к больной и напряженно застыла. Следя за тем, как глаза миссис Кэнингэм изучают ее лицо, девушка почувствовала крепкий терпкий запах духов, которого никогда раньше не ощущала. Это не был запах цветов из оранжереи, расставленных в вазах на нескольких столиках. Этот запах был более экзотическим, волнующим, сладким, и Сильвия почувствовала, как он одурманил ее и вызвал легкое головокружение. Наконец миссис Кэнингэм заговорила тихим, чуть громче шепота голосом.

– Вы сделаете то, о чем я вас попрошу? – спросила она.

– Я сделаю все, что смогу, – с готовностью ответила Сильвия.

Услышав это, миссис Кэнингэм слегка повернула голову в сторону миссис Бутл и чуть слышно произнесла:

– Моя жестяная коробка, Бутл. Она на письменном столе.

Миссис Бутл пошла через всю комнату к столу, где лежала коробка. Пока она это делала, к кровати подошел доктор с мензуркой, в которой было какое-то лекарство.

– Возьмите это, миссис Кэнингэм, – сказал он. – Это поможет вам на какое-то время почувствовать себя крепче.

Больная взяла то, что протягивал ей доктор, и с поспешностью выпила. Казалось, каждый нерв в ней был напряжен до предела от желания поскорее сделать то, что она вознамерилась.

Миссис Бутл принесла ей небольшую черную коробку с надежным замком.

– Ключ! Ключ! – Голос миссис Кэнингэм стал увереннее, и она даже подняла руку, чтобы указать, где лежал ключ.

Миссис Бутл открыла замок и подняла крышку. Внутри было много разных бумаг. А под ними лежали маленькие перфорированные бумажные пакетики, такие, в которых банкиры кладут деньги.

Миссис Кэнингэм вытащила какую-то бумагу и протянула Сильвии.

– Вот сюда я прошу вас доставить мою дочь Люси, когда меня не станет, – сказала она медленно. – Вы не должны ни с кем связываться заранее. Я хочу, чтобы вы отвезли Люси по этому адресу, и нашли сэра Роберта Шелдона. Вы понимаете?

– Да, понимаю.

– Никого другого, только сэра Роберта Шелдона! А когда увидите его, скажите, что привезли ему... его дочь.

Миссис Кэнингэм произнесла последние слова, уже задыхаясь, после чего откинула голову на подушки и закрыла глаза. На мгновение Сильвии показалось, что после такого напряжения больная уже не сможет говорить, но миссис Кэнингэм снова открыла глаза и, взяв из жестяной коробки один из бумажных пакетиков, протянула его Сильвии.

– Вот деньги на поездку и вам на расходы. Надеюсь, вы поняли, что должны оставить Люси с ее отцом. И что бы иное вам ни говорили и ни предлагали, она должна остаться с ним. Это единственный выход для нее. Никаких других средств к существованию у нее нет. Вы хорошо это поняли?

– Да, конечно, – ответила Сильвия.

– А еще я прошу вас вот о чем: будьте осторожны. Остерегайтесь леди Клементины. Она – нехороший человек, злой. Она довела меня до...

Леди Кэнингэм говорила страстно, порывисто, но скоро вынуждена была прервать речь на полуслове, потому что приступ сильного кашля начал сотрясать ее хрупкое тело. Она стала сильно кашлять, задыхаться, хватать ртом воздух. Вскоре алая струя крови хлынула на носовой платок, которым она прикрывала рот, и пролилась на кружевное покрывало. Миссис Бутл и доктор бросились к ней. Миссис Кэнингэм пыталась дышать из последних сил.

Сильвию оттеснили в сторону, и она, молча стояла, держа маленький бумажный пакетик в руке и понимая, что ничем не может помочь бедняжке. Ей показалось, что она вообще здесь лишняя. В ужасе от надрывного кашля миссис Кэнингэм девушка выскользнула за дверь и замерла на площадке. Ее сердце бешено колотилось.

То, что происходило, казалось нереальным. Как будто она участвовала в какой-то драме, разыгрывающейся на подмостках театра. Ей было страшно от сознания того, что у нее очень мало опыта и что вообще она не готова к выполнению поручения. Все это походило на сон, в котором события развивались очень быстро, торопясь к неизбежной развязке. Через какое-то время, показавшееся Сильвии вечностью, на площадку вышла миссис Бутл.

– Бедняжка отходит, – сообщила она девушке тоном человека, привыкшего часто видеть смерть. – Хотелось бы знать, где ее служанка. Мне нужно немного теплого молока и горячей воды. Постарайся побыстрее найти ее.

– А Люси? – спросила Сильвия. – Нужно же узнать, где она.

Миссис Бутл, ничего не ответив, открыла одну из дверей на площадке и вошла, не постучавшись. В комнате перед выдвинутыми ящиками комода на коленях стояла служанка. Она в испуге подняла голову. Это была неприятная женщина с бегающими глазами. Она явно не ожидала, что ее застигнут врасплох за таким непристойным занятием. Огромное количество одежды – платья, нижние юбки, чулки, кружевное нижнее белье – было свалено на кровать и на стулья. Кое-что уже упаковали в потертый черный сундук, который был открыт и стоял у камина.

– Никак ты куда-то собралась? – спросила миссис Бутл.

Служанка вскочила на ноги и расправила передник.

– Это мое дело, – ответила она резко.

– Как сказать. Твоя хозяйка еще не умерла, так, что будь добра обслужить ее.

– Чего ей надо? – угрюмо спросила девица.

– Вскипяти воду и подогрей молоко.

– Готовить не моя обязанность.

– Возможно, и так, но вот доставить это в комнату своей хозяйки ты обязана, поэтому давай-ка лучше по-хорошему найди кого-нибудь, кто приготовит то, о чем она просит. И пошевеливайся, – тоном, не терпящим возражений, сказала миссис Бутл.

Служанка не посмела ослушаться. Она метнулась к двери, что-то приговаривая про себя и трясая головой.

– Вот с какими слугами ей приходилось иметь дело, бедняжке, – вздохнула миссис Бутл. – Да, мы всегда платим за свои грехи, так или иначе.

– Что вы имеете в виду? – спросила Сильвия, но тут же, отвлеклась, пораженная нарядами невероятной красоты, которые теперь увидела так близко. Никогда в жизни она не видела более изысканного нижнего белья. Перед ней лежали ночные рубашки с длинными гофрированными рукавами, отделанные кружевами из Валенсии, и с искусно вышитыми, присборенными лифами. А какие платья! Сильвия думала, что такие, бывают только в волшебных сказках. Бальные – с бархатными лентами, вплетенными в шелковую мережку, подбитые блестящим атласом; вечерние – из мокрого шелка, отделанного тончайшим легким, как паутинка, тюлем, украшенным крохотными розовыми бутонами, на которых вместо росы сверкали бриллианты. Все эти шедевры из атласа, шелка, шифона, бархата и кружев были собраны как будто для того, чтобы сделать женщину прекрасной и соблазнительной.

А еще меха: муфты из соболя и куницы в ансамбле с палантинами и пелеринами, украшенными множеством остроконечных хвостиков. В комоде было полно шляпок, украшенных перьями и цветами, со всевозможными булавками, с замысловатой вуалью и лентами. И все – и маленькие, и большие – были такими изысканными и свидетельствовали о таком тонком вкусе, что Сильвия, совершенно зачарованная, смотрела на них, будучи не в силах оторваться. Неужели одна женщина могла обладать таким количеством прекрасных нарядов?

Миссис Бутл, глядя на ее восхищенное лицо, сухо сказала:

– Похоже, не много счастья они принесли хозяйке. Ей едва за тридцать, а жизнь уже кончилась.

– Такая молодая? – воскликнула Сильвия. – О миссис Бутл, почему она так больна? Что стало причиной ее болезни?

– У меня нет времени рассказывать тебе обо всем сейчас, дорогая. Как-нибудь в другой раз, может, и расскажу. А сейчас нам надо увидеть девочку.

– Да, конечно, – покорно согласилась Сильвия. Она повернулась к выходу, но увидела, что миссис Бутл склонилась над кроватью, над одним из лежащих на нем нарядов. Это было черное платье, отделанное тесьмой и украшенное белым шифоном.

– Элегантное, правда?

– Да, красивое, – согласилась Сильвия.

– Думаю, твой размер.

Миссис Бутл взглянула на Сильвию, затем снова на платье, как будто примериваясь. Сильвия вздохнула.

– Когда-нибудь, возможно, я смогу позволить себе что-нибудь подобное.

Она понимала, что очень нехорошо думать о нарядах сейчас, когда ее матушки не стало, а бедная миссис Кэнингэм тоже умирает. Но, как ни старалась она гнать от себя подобные мысли, у нее перед глазами возникли лица кузин. Безобразные платья, которые она получала от них на протяжении всей своей жизни, показались ей теперь еще более безобразными, чем когда-либо. Упрекая себя за такие мысли, Сильвия вышла на площадку.

– Где Люси? – спросила она. – Мне нужно ее видеть.

Не сказав ни слова, миссис Бутл бросила платье на кровать и, выйдя на площадку, пошла впереди Сильвии по коридору. У первой двери, к которой они подошли, она остановилась, подождала несколько мгновений, а затем мягко нажала на ручку.

– Ребенок, возможно, спит, – шепотом сказала она.

В комнате было не очень темно, потому что на умывальнике мерцал ночник. Послышалось всхлипывание, и детский голосок спросил:

– Кто это?

– Это миссис Бутл, Люси. Разве ты не спишь?

– О миссис Бутл, пожалуйста, зайдите!

Миссис Бутл и Сильвия вошли в комнату. Сильвия, стоя у двери, смогла увидеть только маленький силуэт ребенка, сидящего на кровати. Миссис Бутл чиркнула спичкой и зажгла газовую лампу.

– Ну вот. Так-то лучше, – воскликнула она. – А теперь скажите мне, маленькая леди, почему вы не спите?

– Я не могу спать, – ответила Люси. – Мама больна, а Анни боится. Я всегда знаю, когда она боится, потому что тогда она со мной не разговаривает. Она просто укладывает меня в постель и уходит.

– Ну, вот что, ты должна быть умницей и постараться заснуть.

– Кто это? – спросила девочка, указывая на Сильвию. Увидев Люси, Сильвия отметила ее не совсем обычную внешность. Лицо девочки было очень волевое и слишком, своеобразное, чтобы назвать его красивым в традиционном смысле слова. Не округлое, как обычно у детей ее возраста, а решительное, с квадратным подбородком, упрямым лбом и четко прорисованными темными ресницами. Глаза тоже темные, насколько можно было рассмотреть при свете газовой лампы, но самым удивительным были ее волосы. Ярко-рыжие, с желтоватым оттенком, они обрамляли лицо и ниспадали на плечи прекрасными локонами. Сильвия не помнила, чтобы когда-либо раньше видела такие. Они придавали Люси какой-то странный, недетский облик, контрастируя с белизной ее кожи и необычно резкими чертами лица. – Я – Сильвия Уэйс. – Отвечая на вопрос ребенка, девушка приблизилась к кровати. – Твоя матушка только что спросила у меня, не смогу ли я присмотреть за тобой некоторое время. Мы могли бы даже отправиться в путешествие. Ты бы хотела?

– Мы поедем на поезде? – спросила Люси. Сильвия кивнула.

– Тогда я согласна! – воскликнула Люси. – Я люблю поезда. Мама говорит, что от них у нее болит голова, но мне они нравятся, хоть там и ужасно грязно.

– Мне они тоже нравятся, – согласилась с девочкой Сильвия. – Сколько тебе лет, Люси?

– Шесть, почти семь, – ответила Люси. – Я уже взрослая, правда?

– Да, очень взрослая, – серьезно сказала Сильвия.

– Достаточно взрослая, чтобы вести себя хорошо, – вставила миссис Бутл. – А сейчас ложитесь спать, юная леди, а утром мисс Уэйс и я подумаем о путешествии на поезде.

Девочка послушно свернулась калачиком под одеялом.

– Я рада, что вы пришли, миссис Бутл. Мама все спрашивала о вас, и Анни искала вас повсюду, но не могла вас нигде найти.

– Ну-ну, я же сейчас здесь, – сказала миссис Бутл. – И я собираюсь потушить свет, ты готова?

– Да готова, – ответила Люси. – Покойной ночи, миссис Бутл. Покойной ночи, мисс Уэйс. Не забудьте о путешествии на поезде!

– Я не забуду, – пообещала Сильвия.

Она вышла из комнаты вслед за миссис Бутл, оставив девочку одну.

– Ну? – спросила миссис Бутл, когда они оказались в коридоре.

– Очень милый ребенок, – сказала Сильвия. Произнеся эти слова, она вдруг осознала, что по-прежнему держит в руках деньги и ту бумагу, которую дала ей миссис Кэнингэм. На ней ровным почерком образованного человека было написано «Сэр Роберт Шелдон, Шелдон-Холл, Пиктон-Фелл». Сильвия внимательно прочитала адрес, затем подняла глаза и увидела, что миссис Бутл смотрит на нее. – А где это Пиктон-Фелл? – спросила она.

– На севере страны, – ответила миссис Бутл. – Тебе придется туда долго добираться.

Сильвия хотела было задать еще несколько вопросов, но неожиданно на площадке раздался крик.

– Миссис Бутл!

Это был доктор. Миссис Бутл, поспешила на зов, закрыв за собой дверь спальни.

Сильвия медленно спустилась по лестнице. Она высыпала деньги, которые несла в руке, в карман своего плаща и, еще раз прочитав адрес, по которому следовало доставить Люси, положила бумагу к деньгам.

Девушка села на стул и постаралась согреть руки. Затем осмотрелась, заглянула в открытую дверь, ведущую в соседнюю комнату, и поняла, что это гостиная. Атласная обивка стульев, на стенах панели с узором из переплетенных голубых и розовых лент. И повсюду прелестные акварели в золоченых рамах, а на камине настоящий китайский фарфор. Все это казалось весьма впечатляющим для любого, кто последнее время обитал в дешевом и убогом жилище.

«Миссис Кэнингэм, должно быть, богата», – подумала Сильвия. Просьба этой леди показалась ей очень странной. Действительно ли Люси была ребенком сэра Роберта Шелдона? Тогда ее фамилия должна быть Шелдон, а не Кэнингэм. А если сэр Роберт жив, то, как миссис Кэнингэм могла вновь выйти замуж? Развод? Могло ли быть, чтобы они жили в разводе? От этой мысли Сильвии стало не по себе. Подобное никак не вязалось с миссис Кэнингэм. Сильвия вспомнила ее мелодичный голос.

Должно быть, она была очень красива. Даже теперь, когда болезнь окончательно одолела ее, несмотря на нездоровую худобу, были явственны следы былой красоты и очарования. А какие у нее наряды! Как Сильвия ни пыталась заставить себя думать о чем-то более серьезном и существенном, ее мысли постоянно возвращались к тем шикарным вещам, которые она видела в комнате наверху. И все же, как сказала миссис Бутл... Как это она сказала? Сильвия припомнила слова, произнесенные миссис Бутл, и впервые ее охватило легкое чувство страха от того, что ей готовило будущее.

Обрадуется ли сэр Роберт Шелдон встрече с дочерью? Если отправиться к нему прямо сейчас без предварительного уведомления, то, скорее всего, для него это будет большой неожиданностью. И знает ли он о том, что миссис Кэнингэм умирает? Похоже, что нет. Но если он отец Люси, то было бы правильным требовать его присутствия здесь в такой момент. Сильвия вспомнила о намерении доктора Доусона уведомить кого-либо из родственников и о том, что миссис Кэнингэм не назвала ни одного имени. В голове у Сильвии настолько все

перепуталось, что как она ни старалась, но ясной картины представить не могла. Оставалось только запастись терпением и отдаться в полное распоряжение миссис Бутл.

Послышались шаги и звон фарфора. Показалась служанка с подносом и медным кувшином с теплой водой. Девушка выглядела все такой же угрюмой и раздраженной. У двери комнаты, где лежала ее хозяйка, она, казалось, намеренно загрохотала подносом, снимая с него бидон. Поставив кувшин на пол, она уже собралась постучать, как вдруг дверь открылась. В проеме стоял доктор Доусон. С минуту он смотрел на служанку, а затем резко сказал:

– Вы опоздали. Ваша хозяйка умерла.

Глава 3

Они уже находились в пути почти девять часов, и Люси, такая веселая, непоседливая в начале путешествия – она стрелой носилась по вагону, восторженно воспринимая все вокруг, – теперь дремала на руках у Сильвии. Ее глаза с темными длинными ресницами закрылись, а головка со взъерошенными рыжими волосами покоилась у девушки на груди. И никто не знал, когда же придет конец их путешествию. Шел снег, и все за окном было укутано пышным белым искристым покрывалом. Пассажиры говорили о том, что дальше на севере из-за снежных заносов возможны нарушения коммуникаций. Высказывались предположения, что поезд может опоздать и на день.

Сильвия закрыла глаза, но спать не хотелось. Что их ждет в конце путешествия? Ей становилось все тревожнее. Она очень устала, но понимала, что не сможет уснуть и хоть немного отдохнуть, отключившись от всего, пока не узнает ответы на все волнующие ее вопросы.

Прошлым вечером она вернулась домой очень поздно. Ей пришлось долго ждать миссис Бутл, и когда, наконец, они пустились в обратный путь по заснеженным улицам Пулбрука, кругом было спокойно и безлюдно, как будто все уже давно спали. Они, шли молча, размеренно дыша в такт быстрому шагу, стараясь удерживаться центра дороги, покрытого ровным слоем снега и не ступать в глубокие сугробы, наметенные ветром на обочине. Наконец они пришли домой, и Сильвия, остановившись на ступеньках, неожиданно для себя умоляющим голосом спросила:

– Вы ведь зайдете, миссис Бутл?

– Да, дорогая, конечно. Правда, я бы не хотела задерживаться, но мне необходимо кое-что сказать тебе, и ты должна это выслушать, пока еще есть такая возможность.

Сильвия закрыла дверь и поспешно зажгла масляную лампу на столе в холле. Так же быстро она постаралась разжечь огонь в камине, и когда, наконец, жаркие язычки пламени заплясали среди потрескивающих дров, девушка обернулась к миссис Бутл. Та стояла посреди комнаты, завернувшись в искрящуюся от тающих снежинок накидку, и от этого казалась еще более внушительной.

– Так-то оно лучше. Ну а теперь, дорогая, приступим к делу.

Произнеся это, она извлекла из-под накидки какой-то узел. Еще по пути домой Сильвия заметила, что миссис Бутл что-то несет, но когда та развязала узел, девушка просто оцепенела от неожиданности. Сначала перед ее изумленным взором оказалось черное платье, то, которое она видела в комнате служанки и которое миссис Бутл брала в руки, чтобы показать ей. За ним последовало черное пальто, исключительно подходившее к платью, а также – белая нижняя юбка, подшитая кружевами, и вечернее платье из розовато-лилового шелка, с вырезом, украшенным оборками и с широкими присборенными рукавами из шифона, складки на которых были закреплены пучками изящных искусственных фиалок.

– Миссис Бутл! – не веря своим глазам, воскликнула Сильвия.

– Подожди минутку, это еще не все, – произнесла та и откуда-то из пышных складок достала черную шляпку с тонкой прозрачной вуалью, украшенную перьями и цветами. Это была очень красивая шляпка, подобные которой, Сильвия видела только на страницах журналов мод.

– О! Миссис Бутл, – снова воскликнула девушка.

– Если я не ошибаюсь, у вас с миссис Кэнингэм примерно один размер, так что если и придется подгонять, то самую малость, – сказала миссис Бутл.

– Но, миссис Бутл, как же, я смогу... Я имею в виду, они же...

– Я отлично понимаю, что ты хочешь сказать, – перебила ее миссис Бутл. – Но в отличие от тебя не считаю это воровством. Несчастная леди, упокой Господь ее душу, где бы она ни оказалась, была бы только рада, что ее вещи забрала та, которая будет заботиться о ее дочери. Ведь ты не украла их, как эта наглая служанка. Да она отдала бы их тебе сама, если бы у нее было на это время! А вот что я считаю воровством, так это поведение служанки, которая стала набивать чемоданы хозяйским добром еще до ее смерти. Вот вам и благодарность! Хотя о чем тут говорить? В наше время уже нет таких слуг, как раньше. По крайней мере, у миссис Кэнингэм их точно не было.

– Но, миссис Бутл, я не смогу. Я имею в виду, вы и в самом деле думаете, что такое возможно?

Не отрывая глаз от нарядов, Сильвия протянула руку, чтобы прикоснуться к мягкому шелку розовато-лилового платья.

– Послушай меня, дорогуша, – произнесла миссис Бутл. – В этом мире существует четкая грань между добром и злом, и я твердо уверена, что, если ты немного принарядишься, чтобы достойно выполнить то, о чем тебя попросили, в этом не будет ничего предосудительного. Кроме того, насколько я знаю, в том месте, куда ты направляешься, тебе придется быть во всеоружии, а ничто так не придает женщине уверенности в себе, как сознание того, что она хорошо одета. Это очень красивые платья, из лучших магазинов, ты сама видишь по этикеткам. Вот и носи их и ни о чем не думай. Я бы взяла больше, если бы было время, но мне не хотелось, чтобы эта молодая нахалка распускала сплетни за моей спиной – хотя ей никто бы и не поверил. Но все-таки, ни к чему мне это!

– Неужели она заберет все остальное?

– Да уж, эта своего не упустит, – мрачно промолвила миссис Бутл. – Завтра прибудет адвокат миссис Кэнингэм. Доктор Доусон нашел его адрес в той коробке, из которой она достала деньги. Ну а когда за дело возьмутся юристы, будет уже не так легко чем-то пожить. Это служанка очень хорошо понимает.

– Ну а если она что-нибудь скажет об этом? – взволнованно спросила Сильвия.

– Вот что, дорогая, сейчас же успокойся, – сказала миссис Бутл, – и предоставь это мне. Ты отправишься к сэру Роберту Шелдону, одетая достойно и респектабельно, как и полагается истинной леди. Тебе нужно ехать завтра утром, так что времени на покупки не остается.

– Да, я должна буду встать очень рано, до того, как проснется Люси. Она ведь может испугаться, оттого что осталась одна с... – Сильвия запнулась, подыскивая подходящие слова.

– Бедная крошка, – тихо сказала миссис Бутл. – Но ты ведь постарайся сделать все возможное?

– Вы ведь знаете, что да, – произнесла Сильвия. – Миссис Бутл, я бы хотела поблагодарить вас, но я просто не могу найти слов...

– Ну-ну, дорогая, нечего меня благодарить, – заметила миссис Бутл.

– Если даже ничего из этого не выйдет, – серьезным тоном произнесла Сильвия, – если даже я просто оставлю Люси в Шеддон-Холле и вернусь домой, у меня будет, хотя бы небольшая отсрочка перед тем, как ехать... к дяде Октавиусу.

Неожиданно она подумала о том, что бы сказал ее дядюшка, если бы сейчас увидел, как она забирает одежду женщины, умершей, всего лишь час назад, и собирается уехать, не похоронив мать, и при этом больше всего на свете мечтает о том, чтобы больше никогда в жизни не видеть его! С неожиданной решительностью Сильвия подавила зарождающееся в ней чувство страха.

– Миссис Бутл, – сказала она с мольбой в голосе, – не могли бы вы рассказать мне все, что вы знаете о миссис Кэнингэм и сэре Роберте Шелдоне?

Миссис Бутл сняла накидку и повесила сушить на спинку стула. Затем она неторопливо уселась в кресле и стала расшнуровывать ботинки. Сняв их и оставшись в одних чулках, она вытянула ноги к пламени и при этом с облегчением вздохнула.

– Ну что ж, слушай! – неспешно приступила она к рассказу. – Миссис Кэнингэм приехала сюда два года назад. Она сняла дом, в котором ты сегодня была, и поселилась там со своей маленькой дочкой. Поначалу, конечно, было, очень много разговоров и сплетен о ней. Люди хотели знать, кто она, откуда приехала и стоит ли с ней знаться. Вскоре после ее появления в нашем городе доктор Доусон попросил меня поухаживать за ней, так как она приболела. Ничего серьезного, так, простуда. Ей нужно было несколько дней соблюдать постельный режим, но она не хотела никого беспокоить и посылать за профессиональной сестрой. Как только я увидела эту леди, то сразу поняла, что у нее неладно со здоровьем. Спустя день или два она по секрету сказала мне, что уже лечилась в двух санаториях, а теперь специально приехала в Пулбрук, потому что слышала, что здешний воздух помогает тем, у кого проблемы с легкими. Я, конечно же, обо всем рассказала доктору, и он обследовал миссис Кэнингэм, когда она в очередной раз вызвала его. И, конечно же, обнаружил, что у нее больные легкие. Очень больные. Ей, так же как и доктору, было хорошо известно, что никакой надежды на выздоровление нет. Бедняжке только и оставалось, что жить, пока живется, и надеяться на лучшее. Мне не потребовалось много времени для того, чтобы выяснить еще кое-что. Я имею в виду то, что миссис Кэнингэм – как она себя называла – не хотела жить. «Моя жизнь закончилась, Бутл, – повторяла она мне не раз. – Когда-то она была прекрасной, но сейчас мне уже нечего больше ожидать от нее». Она больше ничего не рассказывала мне в то время, но, посещая разные дома, я узнала о ней многое. Оказалось, миссис Кэнингэм вовсе не была миссис Кэнингэм. Она была миссис Шелдон, женой баронета, и, оказывается, сбежала от мужа с молодым джентльменом по фамилии Кэнингэм. Они провели несколько лет за границей, на континенте, и жили, судя по всему, очень даже неплохо. А затем, позднее, когда я уже получше познакомилась с миссис Кэнингэм и сблизилась с ней, она тоже рассказала мне кое-что. Поначалу многое скрывала, но как-то раз сказала: «Бутл, вы совсем не такая, как другие женщины, вы человек, которому я могу довериться. Я всю свою жизнь боялась женщин, а вот мужчины были очень добры ко мне. Все, за исключением моего мужа. Я имею в виду моего настоящего мужа», – сказала она и горько усмехнулась, затем замолчала. Тогда я спросила у нее, что же случилось с мистером Кэнингэмом. «С мистером Кэнингэмом? Он вернулся в свое респектабельное семейство, где его приняли с распростертыми объятиями. Такой вот блудный сын в современном одеянии. Видишь ли, Бутл, он не мог жениться на мне, хотя вначале очень этого хотел, бедняжка. Но мой муж не давал развода. Сэр Роберт Шелдон такой – он человек суровый и жестокий, не умеющий прощать. Но вот кого я ненавидела по-настоящему, так это его мать. У меня не найдется подходящих слов, чтобы описать леди Клементину. Она – просто чудовище! Это она виновата в том, что я убежала из дома».

– А ведь как раз именно об этом миссис Кэнингэм пыталась сказать, когда... когда умирала, – воскликнула Сильвия.

– Да, она повторяла это все время и делала это с какой-то одержимостью, – заметила миссис Бутл. – Ты ведь знаешь, у людей, которые так серьезно болеют, подобное бывает часто. Миссис Кэнингэм ненавидела свою свекровь. Она даже заявила, что именно леди Клементина способствовала тому, чтобы ее невестка обратила внимание на успехи молодого мистера Кэнингэма, но трудно сказать, правда ли это, потому что мало ли что приходит в голову больным людям. Так или иначе, но она с ним сбежала, и они были счастливы, пока здоровье позволяло ей вести такой образ жизни. А затем она заболела, потому что по природе была очень слабой. Тогда он выделил ей достаточную сумму денег, чтобы жить безбедно, и они расстались. Если хочешь знать, ему просто надоели ее постоянные недомогания. Он

ведь только потом понял, насколько серьезно она больна. Да, пожалуй, по пальцам можно пересчитать мужчин, которые долго смогли бы терпеть рядом больного человека. Большинству это не по силам, но их тоже по-своему можно понять. Так вот, хотя миссис Кэнингэм старалась бодриться, я всегда чувствовала, что с того момента, как он бросил ее, она решила умереть. А ей, в самом деле, больше ничего не оставалось. Вряд ли она смогла бы найти другого мужчину, который бы ухаживал за ней при ее-то состоянии здоровья. А потом, она никуда не могла выехать, потому, что все уважаемые люди отвернулись от нее, ее никто не принимал и не хотел знать.

– А ребенок? – спросила Сильвия.

– Это и вовсе какая-то тайна, – ответила миссис Бутл. – Все, что я смогла понять, так это то, что Люси родилась после того, как леди Кэнингем сбежала со своим любовником, но она всегда твердо настаивала на том, что этот ребенок не от него.

– Так возможно, – заметила с ужасом Сильвия, – что сэр Роберт Шелдон откажется принять Люси, ведь у него есть основание не признать свое отцовство.

Миссис Бутл пожала плечами.

– Мы должны надеяться на лучшее, дорогая. Ты помнишь, о чем просила тебя миссис Кэнингэм. Ты должна оставить Люси у отца, как бы там ни было.

– Да... но... – запротестовала Сильвия.

– Теперь уже поздно отступать, дорогая. Как говорится: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». – Нагнувшись, миссис Бутл снова надела свои башмаки. – Ну, мне пора возвращаться домой, – сказала она. – Вот что я должна тебе сказать напоследок: не нужно ни о чем загадывать наперед. В этом нет никакого толку. Просто запасись терпением и увидишь, все образуется. А сейчас ложись-ка спать, чтобы хорошенько отдохнуть, а утром первым делом забирай ребенка и уезжай. И постарайся успеть до того, как приедет твой дядя.

– Вы правы, – согласно закивала девушка, тоже вставая, но, не отводя глаз от принесенных вещей, которые лежали на диване. – Миссис Бутл, вы и в самом деле считаете, что... – пробормотала Сильвия, не зная, как закончить вопрос, но чувствуя, что ее и так понимают.

– Абсолютно уверена, – ответила миссис Бутл. – Ты имеешь на них такие права, как, может быть, никто другой. Теперь забирай все наверх и запомни: отправишься в поездку в том черном платье. Ты же знаешь, как важно первое впечатление. Ну, доброй ночи, дорогая, денек выдался напряженный, и мне пора хорошенько отдохнуть.

– Покойной ночи, миссис Бутл, и еще раз спасибо вам.

Импульсивно Сильвия подалась вперед и поцеловала пожилую женщину в щеку. Похоже, что это доставило той удовлетворение.

– Ну-ну, я сделала не больше того, что сделал бы любой другой христианин в подобных обстоятельствах.

Она направилась к двери, затем остановилась.

– Тебе не будет здесь боязно одной? – спросила она, подняв глаза к потолку.

Сильвии стало понятно, о чем идет речь.

– Нет, – не совсем уверенно ответила она, но затем более твердо добавила: – Конечно, нет. Почему я должна бояться матери? Просто мне очень непривычно, что она меня не позовет. Теперь никогда уже больше не позовет.

Перед тем как лечь спать, Сильвия примерила два платья. В небольшом зеркале, висевшем в ее комнате, девушка смогла увидеть только небольшую часть своего отражения, но, однако, и этого было достаточно, чтобы понять, как сильно она преобразилась.

За те несколько оставшихся для сна часов Сильвии так и не удалось, как следует отдохнуть. Волнение и тревога не покидали ее. Ворочаясь с боку на бок, и беспорядочно прокручивая в памяти все, что с ней произошло, она не заметила, как пролетело время. Услышав, что часы пробили шесть, девушка встала, оделась и довольно быстро собралась, уложив в

дорожную сумку все свои немногочисленные вещи. Сверху она положила розово-лиловое вечернее платье, казавшееся каким-то неуместным на фоне ее блеклых старомодных нарядов.

На завтрак в доме ничего не было. Сильвия приготовила себе чашку чая и кусочек хлеба с маслом. Потом попрощалась с матерью, не испытав никаких эмоций, кроме желания поскорей уйти, порвать последние нити, связывавшие ее с прошлым. Она наклонилась, чтобы поцеловать холодный лоб матери, встав на колени, попыталась произнести молитву, но, ни на минуту ее не покидала мысль о том, что нужно спешить. С рассветом девушка быстро зашагала к дому покойной миссис Кэнингэм. Придя туда, разбудила девочку, с помощью Анни одела ее и упаковала вещи.

Когда они, наконец, сели в поезд, Сильвия почувствовала, что на душе у нее стало спокойнее. Багаж был погружен, и ничего уже нельзя было изменить. Вплоть до этого момента все казалось ей каким-то нереальным, похожим на сон, который в любой момент мог быть грубо прерван приездом дядюшки Октавиуса или каким-нибудь еще непредвиденным обстоятельством.

Но когда, наконец, поезд тронулся, когда фигура миссис Бутл, махающая им на прощание рукой, исчезла из виду, а Люси доверительно просунула свою ладошку в ее руку, сказав: «Я люблю путешествовать поездом, а вы, мисс Уэйс?» – Сильвия поняла, что назад пути нет. Как бы там ни было, но она сделала этот шаг, взяла на себя ответственность за Люси, хотя прекрасно понимала, что ее поступок покажется ужасным и шокирует ее дядюшку, когда тот приедет и обо всем узнает. Даже если бы она просто приняла решение в какой-нибудь ситуации, он и то считал бы это проявлением непозволительного своеволия, а уж за то, что она оставила не погребенной мать и уехала, ничего не сказав, ей никогда не будет прощения.

Но это Сильвию больше не беспокоило. Она как будто бы сбросила оковы, сдерживавшие ее всю жизнь. Пока мать была жива, она никогда не оставляла ее. Теперь же, когда никто больше не нуждался в ее услугах, какая разница, что произойдет. Сильвия вручила ключ от дома в руки миссис Бутл с чувством облегчения, как будто сняла со своих плеч всю тяжесть прошлых лет.

И только в последний момент на перроне мужество едва не покинуло ее.

– А что, если ничего не получится? – произнесла она дрожащим голосом.

Но миссис Бутл, тут же постаралась успокоить ее.

– Если что и случится, дорогая, вернешься сюда, ко мне, и мы вместе разберемся с твоим дядюшкой. Не беспокойся. И обязательно извести меня по приезде о том, как обстоят дела. Знай, что я очень расстроюсь, если вместо письма снова увижу тебя здесь.

Сильвия, готовая было заплакать, улыбнулась, услышав эти слова.

– Я постараюсь не расстраивать вас, – сказала она и поднялась в вагон.

И вот сейчас она снова и снова размышляла о том, правильно ли поступила. Может быть, разумнее было бы встретиться с юристом миссис Кэнингэм и обговорить с ним все вопросы.

И все же она чувствовала себя сейчас намного увереннее, чем накануне. Права была миссис Бутл, тот наряд, который сейчас был на ней, придал уверенности. Тогда как маленькое зеркало в ее комнате не позволяло рассмотреть и трети фигуры, в доме миссис Кэнингэм Сильвия смогла увидеть свое отражение в полный рост. И увиденное настолько поразило ее, что она едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть от восхищения.

Великолепно скроенное и со вкусом сшитое черное платье не только делало ее элегантной, но и подчеркивало неожиданно появившееся в ней достоинство – чувство, которое раньше никогда не было ей присуще. Одежда выгодно оттеняла ее внешность. Впервые в жизни нарядившись, она тем не менее не чувствовала себя разодетой. Наоборот, ей казалось,

что в ее наряде нет ничего лишнего. Она выглядела как леди. Впервые в жизни Сильвия была уверена в собственной красоте.

На самом деле в ее внешности не было ничего вызывающего. Просто из-за того, что ей приходилось носить не по размеру сшитые, безвкусно подобранные платья, она казалась более яркой, как будто контрастировала с тем уродством, которое ее обрамляло. Теперь же все пришло в полную гармонию, и Сильвия знала, что в этом наряде ей никогда не будет стыдно или неудобно показаться в любом обществе.

Возможно, что пальто, так сочетавшееся с платьем, не было достаточно теплым для длительного путешествия, но Сильвия скорее бы согласилась замерзнуть, чем прикрыть такую красоту безобразным уродством из серого сукна, доставшимся ей в наследство от кузин.

По тому, какие взгляды бросали на них пассажиры, Сильвия поняла, что они с Люси заметно выделялись среди остальных. Одежда ребенка была подобрана с таким же изысканным вкусом. Голубое, с широким воротником и пышными рукавами пальто гармонировало с широкополой бобровой шляпкой, маленьким палантином из белого меха и муфтой. Люси выглядела очаровательно и даже несколько аристократично. Она уже порядком утомилась. Руки были грязными от вагонной пыли и липкими от еды, которую, по настоянию предусмотрительной миссис Бутл, они взяли с собой.

Только Сильвия задумалась о том, когда же они, наконец, достигнут Миклдона, как вдруг поезд остановился, и она услышала, как кто-то громко закричал: «Миклдон, Миклдон. Пересадка! Пересадка!»

Разбудив Люси и быстро надев на нее шляпку и муфту, девушка взяла ручную кладь и вышла на платформу. Подозвав носильщика, она попросила его забрать из вагона багаж, а заодно спросила, как добраться до Пиктон-Фелл.

– Вам уже не удастся попасть туда сегодня, мэм. Последний поезд в Пиктон-Фелл ушел около часа назад. Он отправился в шесть. А теперь уже семь часов.

– О Боже! Что же нам делать? – воскликнула Сильвия.

– Следующий поезд завтра в девять тридцать утра, – сказал носильщик.

– А можно ли добраться туда каким-нибудь другим способом?

– Не знаю, может быть, мастер Робб из трактира «Грин Мэн» сможет довести вас в экипаже. Если хотите, я пригляжу за вашим багажом. Вы легко найдете «Грин Мэн», это напротив вокзала, через дорогу.

Он указал, в каком направлении нужно идти, и Сильвия, взяв Люси за руку, пошла через темную, занесенную снегом дорогу туда, где зазывно светились огни трактира.

Трактир был старым, но просторным. Сильвия открыла дверь и оказалась в квадратном холле, по одну сторону которого находилась большая уютная гостиная, в которой потрескивали дрова, а с другой стороны доносились громкие веселые голоса. Девушка остановилась в замешательстве, не зная, каким образом привлечь чье-нибудь внимание, но тут из задней комнатки вышел человек в нарукавниках и длинном белом переднике. Это был пожилой мужчина с седыми волосами и бакенбардами. Он улыбнулся и, как-то очень достойно и сдержанно, поклонившись Сильвии, спросил:

– Могу ли я чем-нибудь быть вам полезен, мэм?

Сразу почувствовав себя легко, девушка объяснила, что носильщик на станции посоветовал ей зайти сюда и попросить мистера Робба помочь ей.

– Горадий Робб к вашим услугам, мисс.

– Нам нужно добраться до Пиктон-Фелл, но поезд уже ушел, а следующий будет еще не скоро. Не могли бы вы нас отвезти туда?

– В Пиктон-Фелл? Это небезопасно в такое время. А куда конкретно в Пиктон-Фелл вы направляетесь?

– В Шелдон-Холл.

– В Шелдон-Холл?

Сильвии показалось, что мистер Робб изменился в лице. Он еще раз учтиво поклонился и сказал:

– Я подумаю, мисс. А пока прошу вас вместе с юной леди присесть к огню, может быть, вы хотите что-нибудь съесть или выпить?

– Если можно, и то и другое, – ответила Сильвия. – Мы путешествуем с самого утра.

Она повела Люси в гостиную и сняла с нее пальто. Девочка уже окончательно проснулась и теперь то и дело задавала вопросы о том, где они и когда, наконец приедут домой.

Сильвия еще рано утром сообщила малышке, что ее мать умерла, но ей стало ясно, что Люси не поняла ее, потому что после того, как девочка обошла комнату, заглядывая, то туда, то сюда, она подошла к Сильвии и спросила:

– А мамочка будет мертвой, пока мы не вернемся? А мы скоро вернемся?

Сильвия покачала головой.

– Дорогая, твоя матушка отправилась к Богу.

– Она там останется навсегда?

– Да, милая.

Люси подумала некоторое время, а затем сказала:

– Но вы же не оставите меня, правда, мисс Уэйс? Иначе мне будет одиноко. Я не очень люблю Анни. Мы с мамочкой считали ее ужасно глупой. А теперь, когда мамочка ушла навсегда, у меня остается только она.

– Анни не будет заботиться о тебе, – успокоила девочку Сильвия. – Надеюсь, что это буду делать я или один очень добрый человек.

– Кто? – спросила Люси.

Так как Сильвия ничего не должна была говорить об этом, она попыталась сменить тему разговора, хотя у нее самой появилась масса вопросов, на которые сама не находила ответа.

Долго ждать ужина не пришлось. Довольно быстро появившийся официант сообщил, что стол накрыт, и проводил Сильвию и Люси в столовую. Пока они ели, снова появился мистер Робб и сказал, что ему удалось упротить своего друга, у которого есть карета, отвезти их в Шелдон-Холл.

– Боюсь, что он запросит с вас не меньше гинеи, мисс. Дороги такие плохие, а у него уже силенок маловато, чтобы вытаскивать лошадей.

– Я с радостью заплачу ему эти деньги, – воскликнула Сильвия. – А вас я очень благодарю за беспокойство.

– Вам придется немного подождать, пока он соберется. Вы вместе с юной леди можете посидеть у огня и немного отдохнуть. Я вам сообщу, когда он будет готов. Да, если хотите, скажу, чтобы он принес ваши вещи со станции.

– Благодарю вас, – сказала Сильвия.

После ужина они вернулись к камину. Раньше в гостиной никого не было, но сейчас к ним присоединился молодой человек, одетый вычурно и экстравагантно. У него были длинные напомаженные усы, а на мизинце сверкало кольцо с бриллиантом. Он тут же вступил в разговор.

– Вы едете из Лондона?

– Нет, – покачивая головой, сдержанно ответила Сильвия, не желая обидеть незнакомца своим пренебрежением, но в то же время, стараясь дать понять, что совсем не расположена разговаривать с ним.

– Удивительно, – воскликнул он, а затем добавил: – Вы уж простите, но я позволю себе заметить, что вы выглядите как человек, который непременно должен ехать из Лондона!

– В самом деле? – бесстрастно произнесла Сильвия. Она смутилась, почувствовав неловкость. Никто и никогда не говорил ей, как вести себя с незнакомыми мужчинами, которые, не представившись, начинают приставать.

– А сказать вам, почему я так подумал? – спросил незнакомец и, не дождавшись, пока Сильвия ответит, продолжил: – Все самые хорошенькие и соблазнительные женщины живут в Лондоне, вот почему вы произвели на меня впечатление человека, живущего там. А эта крошка ваша?

– Я за ней ухаживаю, – ответила Сильвия и заметила, как человек быстро взглянул на ее левую руку, на которой не было перчатки.

– Милый ребенок. Правда, я не очень люблю рыжий цвет волос, но есть мужчины, которые от него без ума. Мне больше нравятся волосы светлые и длинные. Чем длиннее, тем лучше.

Сильвия наклонилась к Люси и тихо заговорила с ней в надежде, что незнакомец догадается, что она не желает продолжать разговор. Но молодой человек оказался совершенно бессовестным. Сильвия заметила краем глаза, как непристойно он рассматривает ее, но вместо того, чтобы испытать удовольствие, почувствовала себя очень неловко и совершенно растерялась.

– Позвольте мне сказать вам кое-что, – сказал незнакомец, подсаживаясь немного ближе и переходя на шепот. – С вашей внешностью и фигурой вы могли бы покорить Лондон. Предположим, просто предположим, что вы зарабатываете тем, что присматриваете за этой девочкой. Ну и что вас ждет в будущем, скажите на милость? А вот в Лондоне вас бы оценили по достоинству. И не один я!

Сильвия подняла голову и посмотрела на мужчину, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Спасибо, меня это не интересует, – холодно произнесла она.

Но и это не подействовало на наглеца, он подмигнул ей и заметил:

– Но может быть, когда-нибудь, кто знает?..

Как раз в этот момент в комнату вошел мистер Робб. Сильвия поспешно встала.

– О, мистер Робб! Экипаж готов?

– Не совсем, мисс, – ответил он. А затем, как будто почувствовав, что здесь происходило, он бросил на человека, сидящего у камина, выразительный взгляд. – Мистер Катбертсон, – сказал он, – ваш коктейль ожидает вас в танцевальном зале.

– Послушай, Робб, не заводишь, – ответил мистер Катбертсон. – Я хочу выпить его здесь, у огня, и думаю, что эта юная леди составит мне компанию. Как насчет рюмочки портвейна?

– Леди сама может заказать себе все, что захочет, – сурово заметил трактирщик. А затем добавил тихим голосом, но Сильвия, все же смогла расслышать: – Не будь дураком, она едет в Шелдон-Холл!

Мистер Катбертсон просто онемел. Украдкой взглянув на него, Сильвия заметила, что на его лице застыло выражение ужаса.

– О Господи! Почему же ты не сказал об этом раньше? Не промолвив больше ни слова, он встал и поспешно пошел из гостиной. Мистер Робб последовал за ним, но, дойдя до двери, обернулся и поклонился Сильвии.

– Простите, мисс.

Он бы так и покинул гостиную, но Сильвия остановила его вопросом:

– А Шелдон-Холл далеко отсюда?

– Около десяти миль, мисс.

– А вы хорошо знаете это место?

– Очень даже хорошо. Мне кажется, его знают все в этой части страны.

– А сэра Роберта Шелдона знаете?

– Да, мисс.

– Он никуда не уехал?

– Думаю, нет, мисс. Я видел его дня два назад.

Это было все, что Сильвия хотела узнать – или, может быть, нет? Она понимала, что Гораций Робб что-то недоговаривает, но испытывала к нему симпатию. Чувствовалось, что он человек честный и ему можно довериться. Когда он смотрел на нее, в его глазах отражалось нечто большее, чем доброта. Это было, возможно, сочувствие или... жалость?

– Мистер Робб, – обратилась к нему Сильвия, сделав над собой явное усилие.

– Да, мисс?

– Если... если по каким-либо причинам я не смогу остаться в Шелдон-Холле, не согласились бы вы предоставить мне ночлег в вашей гостинице?

– Мои владения, все какие есть, в вашем распоряжении.

– Спасибо.

Сильвия поняла, что перед ней человек, искренне готовый помочь, и от этого ей стало необычайно легко.

Мистер Робб молча, поклонился и вышел из комнаты.

По крайней мере, если и сбудутся самые плохие предположения, то здесь можно найти приют. И, в конце концов, чего она опасается, что такое ужасное может произойти?

– Экипаж у подъезда, мисс.

Вот и наступила завершающая часть их путешествия. Люси снова начала клевать носом. Мистер Робб принес плед, которым Сильвия обернула девочку.

Снаружи их ожидала извозчичья карета, источавшая запахи прелого сена. Лошадь трясла головой, как будто была недовольна тем, что ее запрягли в столь поздний час.

– Имей в виду, Джо, дорога может быть занесена снегом, – обратился мистер Робб к мужчине на козлах.

– Я доставлю их туда без проблем, не беспокойтесь. Мистер Робб помог Сильвии и Люси сесть в экипаж.

– Я подстелил вам под ноги, мисс, а вот еще один плед, на случай, если очень замерзнете.

– Спасибо, мистер Робб. – Сильвия протянула ему руку. – Я благодарна, очень благодарна вам за все, что вы сделали для нас.

Как только лошадь тронулась, мистер Робб поднес руку ко лбу, салютуя им на прощание и желая доброго пути.

Глава 4

Неожиданно повозка сильно дернулась, и задремавшая было Сильвия, испуганно вскрикнула. Протерев окно экипажа перчаткой, она выглянула наружу. Повозка остановилась у домика привратника. В лунном свете виднелась двустворчатая железная калитка, по бокам которой располагались каменные львы, держащие геральдические щиты. Кучер Джо крикнул, чтобы обнаружить свое присутствие. Через некоторое время дверь привратницкой открылась, и в полоске света, показалась фигура мужчины, который торопливо направился к воротам.

Сильвия стала будить Люси, которая примостилась рядом и громко посапывала во сне.

– Просыпайся, дорогая. Мы уже приехали.

Люси открыла глаза и тотчас проснулась.

– Где мы? – спросила она. – Еще ведь не утро?

– Нет, не утро, – заметила Сильвия. – И ты еще не ложилась спать.

Люси искренне рассмеялась беззаботным смехом ребенка.

– А мне показалось, что я уже сплю, правда, смешно?

Сильвия наклонилась, чтобы поцеловать Люси. Ей захотелось это сделать именно сейчас, чтобы ощутить некоторую поддержку и преодолеть нарастающий, почти панический страх. Ведь наступил тот момент, когда должно было определиться не только будущее Люси, но и решиться ее собственная судьба.

Повозка снова поехала вперед. Сильвия заправила волосы, выбившиеся из-под шляпки. Миссис Бутл говорила, что очень важно произвести первое впечатление. Сильвии очень захотелось увидеть себя со стороны. Чтобы отвлечься от подобных дум, она повернулась к Люси, поправила ее волосы и завязала ленты шляпки, болтавшиеся под подбородком. Девочка подпрыгивала на сиденье, стараясь выглянуть в окно экипажа.

– Где же дом, мисс Уэйс? Я вижу только деревья. Мы же не можем спать на деревьях, правда?

– Мы еще не доехали, – сказала Сильвия, глядя на вырисовывающиеся в лунном свете силуэты дубов, огромные ветви которых согнулись под тяжестью снега.

Сильвия открыла сумочку и стала искать носовой платок, когда вдруг услышала возглас Люси:

– Да вот же он! Вот дом!

Девушка подняла глаза и замерла от неожиданности, не в силах произнести ни слова, – такое сильное впечатление произвело на нее увиденное. В некотором отдалении от того места, где они остановились, возвышаясь над широким, покрытым нетронутым снегом простором, в полном величии одиночества стоял Шелдон-Холл, и сотни переливчатых стекол, освещаемых лунным светом, таинственно мерцали на фоне серого камня.

Фасад поддерживался шестью могучими рифлеными колоннами, из-под которых спускались каменные ступени с балюстрадами с обеих сторон. Великолепно спланированный и построенный опытным мастером, дом являл собой поэму в камне.

Сильвия ожидала увидеть все что угодно, но только не это. Никогда в жизни она не представляла себе ничего более величественного и более прекрасного, чем этот дом. В лунном свете он казался волшебным и нереальным, игрой воображения, и продолжалось это до тех пор, пока они не подъехали ближе и не увидели, какой он громадный. Появилось ощущение, что дом давит своими размерами, и первые восторженные впечатления как-то незаметно исчезли.

Повозка остановилась у подножия каменных ступеней. Сильвия еще раз оглядела Люси и себя и поспешно кое-что поправила. Она слышала, как кучер Джо тяжело слез с

козел и направился вверх по ступеням. Он, должно быть, позвонил, а затем направился к двери экипажа, но еще до того, как успел открыть ее, поток золотистого света хлынул на них из открывшейся наверху двери.

– Ну вот, мисс, прибыли в целости и сохранности. Я сниму багаж.

– Спасибо.

Сильвия вышла, заплатила кучеру, взяла Люси за руку и двинулась вверх по ступенькам. В дверном проеме стоял седовласый человек, который, как догадалась Сильвия, служил дворецким.

– Добрый вечер, мне необходимо видеть сэра Роберта Шелдона.

Сильвию немного ослепил яркий свет. Но она, все же, заметила, с каким удивлением посмотрел на нее дворецкий, прежде чем задал вопрос:

– Сэр Роберт Шелдон ожидает вас, мисс?

– Нет, но мне необходимо видеть его.

С этими словами, Сильвия шагнула через порог и увлекла за собой Люси. Они оказались в большом высоком холле, стены которого были отделаны дубовыми панелями и освещались несчетным количеством свечей в серебряных подсвечниках. Дворецкий закрыл за ними дверь.

– Если вы соблаговолите подождать здесь, мисс, я узнаю, сможет ли сэр Роберт принять вас.

Сильвия подвела Люси к камину, в котором ярко пылали дрова.

Дворецкий пересек холл и подошел к двери, как раз напротив камина. На какое-то мгновение он остановился, как будто прислушиваясь, а затем аккуратно открыл дверь. Из комнаты слышался смех и мужские голоса. Через приоткрытую дверь девушка увидела стол, застеленный белой скатертью и сервированный серебряными блюдами. Значит, сэр Роберт дома, и он обедает. Она вздохнула с облегчением. По крайней мере, исчез страх, всю дорогу не покидавший ее, – страх, что человек, к которому они направлялись, может отсутствовать.

Вновь раздался взрыв смеха, а затем в наступившей тишине послышалось восклицание:

– Женщина и ребенок ко мне? Какого черта, Бейтсон. За дверью раздался гул голосов, а затем чей-то пьяный мужской голос невнятно произнес:

– Возможно, это твое прошлое настигло тебя, Роберт?

– Вели им зайти сюда.

Эти слова повелительным тоном произнес тот человек, чей голос прозвучал первым. И снова раздался смех – издевательский, оскорбительный...

Сильвия побледнела. На какое-то мгновение она испугалась. Но когда увидела дворецкого, пересекающего холл, в ней вскипело негодование, вызванное чувством собственного достоинства, о существовании которого она раньше и не подозревала.

– Будьте так добры, вы и юная леди, последовать за мной.

Дворецкий вел себя спокойно, вежливо и бесстрастно, тогда как у Сильвии клокотало все внутри, и она чувствовала, что готова на любую дерзость.

– Попросите сэра Роберта выйти к нам сюда.

К своему удивлению, она произнесла эти слова спокойным, требовательным тоном. Бейтсон наклонил голову.

– Очень хорошо, мисс. Я передам ваши слова сэру Роберту.

Сильвия не сдвинулась с места. А Люси в это время вертелась по сторонам, широко раскрытыми глазами рассматривая все вокруг. Одновременно она поочередно стаскивала с рук перчатки и засовывала их в свою крохотную муфту. Но девушка не обращала на нее внимания. Ее взгляд сосредоточился на фигуре удалявшегося дворецкого. Когда он открыл дверь в столовую, оттуда вновь послышался нарастающий гул голосов, а затем неожиданно

все стихло. И хотя Сильвия испытывала некоторое смятение чувств, она все же инстинктивно почувствовала, что для них наступил очень важный момент.

Дверь столовой распахнулась. На мгновение перед ее взором предстал длинный стол, вокруг которого сидели с полдюжины мужчин. В сиянии свечей блестели хрустальные бокалы и приборы из серебра, но все ее внимание, тут же, переключилось на человека, который, появившись в дверном проеме, решительным шагом направился к ней.

Сильвия поразилась, увидев его лицо, оно показалось ей знакомым. Похоже, она уже видела его где-то. Но вскоре все прояснилось. Приблизившись, он остановился и, нахмурив брови, уставился на них.

– Вы желали меня видеть? – Мужчина спросил это резким голосом, с явным вызовом. Сильвия взглянула на него.

– Да, – сказала она спокойно. – Я привезла вам вашу дочь.

Говоря это, девушка положила руку на шляпку Люси и сдвинула ее с головы девочки, так что та повисла сзади на голубых лентах. Свет от языков пламени засиял в ее рыжих волосах. Этот цвет сэра Роберта не мог спутать ни с чем.

Он не издал ни звука и даже не пошевелился, но Сильвия поняла, что вряд ли ей удалось бы удивить его больше, даже если бы она приставила пистолет к его лбу. Они были до невероятности похожи. И не только цветом волос, но и темными глазами, телосложением, решительной линией подбородка, темными бровями, четко вырисованными на белых лбах.

Наступил такой напряженный, мучительный момент, что, казалось, эта тишина никогда не кончится. Но Люси, оглядываясь вокруг, вдруг спросила своим чистым детским голосом:

– Мы что, останемся в этом большом доме? Сэр Роберт обернулся к Сильвии.

– Чей это ребенок? Откуда вы прибыли? Сильвия почувствовала, что теряет самообладание.

– Ее мать попросила меня отвезти Люси к вам, – сказала она. – Я знала ее, как миссис Кэнингэм, но насколько я понимаю, фактически она была леди Шелдон.

Выражение лица сэра Роберта не изменилось. Он настолько жестко держал себя в руках, что никакие эмоции не отражались на его лице, холодном и бесстрастном.

– Где она теперь?

– Она вчера умерла.

Он снова взглянул на Люси и сделал это так властно, что казалось, просто приковал ее взгляд к себе.

– Сколько тебе лет?

– Шесть, почти семь.

– Когда твой день рождения?

Люси, на мгновение, задумавшись, наморщила лоб, и это придало ей еще более комичное сходство с человеком, обратившимся к ней с вопросом.

– Девятого апреля, – наконец медленно проговорила она, – мне исполнится семь лет.

Сэр Роберт обернулся и властно позвал:

– Бейтсон.

Из темного угла холла как по волшебству появился человек, который, казалось, только и ждал того момента, когда его позовут.

– Ее милость проснулась?

– Да, сэр Роберт.

– Тогда проводи этих леди наверх.

– Слушаюсь, сэр.

Сэр Роберт, взглянул на Сильвию. Она почувствовала, как он оглядел ее с головы до ног. Девушка совершенно не поняла, что мог означать этот взгляд, но все же, почувствовала, что для себя хозяин дома явно сделал какой-то вывод.

– Прошу прощения, мисс, – сказал он каким-то натянутым голосом, как будто для того, чтобы произнести эти вежливые слова, ему пришлось сделать над собой большое усилие. Сильвия не успела и слова сказать, как он пересек холл и вернулся в столовую.

– Я хочу пить, мисс Уэйс. – Люси подергала Сильвию за руку, и это вернуло девушку к мыслям о ребенке.

– Сейчас, дорогая, подожди минуту. – В тот же момент Бейтсон, который все еще стоял рядом, произнес:

– Не соблаговолите ли, пройти за мной, мисс.

По слегка фамильярной интонации, с которой были произнесены эти слова, Сильвия поняла, что он уже успел сделать для себя вывод, как именно с ней можно разговаривать. Девушка также заметила, что когда она, разговаривая с сэром Робертом, совершенно машинально сняла перчатку, Бейтсон обратил внимание на отсутствие обручального кольца на ее руке.

Он повел ее вверх по широкой дубовой лестнице. Пока они шли, Сильвия смогла немного осмотреться. Она увидела большие картины в золоченых рамах, висящие на обшитых панелями стенах, толстые ковры, в которых утопали ноги, гобелены, полированную мебель, стулья с высокими спинками, покрытые накидками со старинным шитьем. Вокруг была такая роскошь и такое изобилие, что было просто невозможно рассмотреть и запомнить все то, что мелькало и переливалось перед глазами, как в некоем волшебном калейдоскопе.

Они дошли до площадки. С нее открывался вид на холл, в котором Сильвия еще недавно разговаривала с сэром Робертом, и неожиданно у девушки появилось ощущение, что за ними кто-то наблюдает, но не обычный человек, а кто-то огромный, сильный и подавляюще могучий.

– Сюда, мисс, – позвал ее Бейтсон, как бы давая понять, что будет лучше, если она поторопится. Он остановился у двери, постучал, а затем открыл ее. – Пожалуйста сюда, мисс.

Затем он провел их внутрь. Входя в комнату, Сильвия почувствовала, как Люси прижалась к ее руке то ли от страха, то ли от усталости. У девушки не было времени разобраться, потому что она сама ощутила некоторую тревогу от той неизвестности, которая их здесь ожидала.

В комнате, хотя и большой, сразу привлекала внимание огромных размеров кровать с четырьмя высокими опорами, которая была завешана голубым парчовым балдахином и украшена сверху огромными страусовыми перьями. В центре кровати полулежала маленькая старая женщина, со всех сторон обложенная подушками и казавшаяся какой-то незначительной на фоне необъятных размеров всего того, что ее окружало.

– Кто здесь? Что вам надо?

Голос был резким и немного визгливым.

– Распоряжение сэра Роберта, моя госпожа. Эти леди только что прибыли.

– Леди в такое позднее время? – Это было произнесено уже недовольным голосом. Когда Сильвия и Люси приблизились, старуха приподнялась и, слегка подавшись вперед, впилась в них пристальным взглядом. – Подойдите. Кто вы и откуда пожаловали? – Слова прозвучали резко и отрывисто, как удары хлыста. Повинуясь приказу, и держа Люси за руку, Сильвия направилась к кровати.

Шляпка девочки по-прежнему висела сзади на тесемках. Нельзя было не заметить, как леди, сначала просто скользнув по ребенку взглядом, вдруг переключила на него все свое внимание. Сильвия и Люси подошли к краю большой кровати, с обеих сторон которой стояло по огромному серебряному канделябру, в каждом из которых горело как минимум

по дюжине свечей. Они освещали высохшее коричневатого цвета лицо с острым крючкова-
тым носом и темными колючими глазами, обрамленное густыми седыми волосами с неимо-
верным количеством локонов, которые были уложены в высокую прическу. На плечи леди
Клементины была наброшена накидка из русских соболей; ее острые тонкие пальцы были
унизаны множеством драгоценных колец. На запястьях тоже сверкали бриллианты, а мор-
щинистую желтую шею обвивала тройная нитка великолепного жемчуга.

Рассмотрев старую леди более внимательно, Сильвия уже с трудом могла представить,
что сначала та показалась ей маленькой. От этой, казалось бы, иссохшей старухи, сидящей
на кровати и говорящей резким командным тоном, исходило ощущение невероятной воли
и энергии. Глядя на нее, Сильвия испытала чувство страха. Она поняла, что перед ней жен-
щина, которая не знает, что такое жалость, женщина, которая любой ценой добьется того,
что ей надо, которая никого не пощадит и сама ни у кого не попросит пощады.

Все еще находясь под впечатлением только что увиденного, Сильвия совершенно рас-
терялась, услышав приказ:

– Объясните причину вашего появления в этом доме.

Теперь леди Клементина смотрела уже на нее. Ее темные глаза, казалось, пронизывали
девушку насквозь, стараясь рассмотреть каждую деталь внешности.

– Это Люси, – заговорила Сильвия и почувствовала, что ее собственный голос дрожит
и звучит странным образом тихо. – Ее мать, которая была известна мне как миссис Кэнингэм,
умерла вчера. Перед смертью она попросила меня отвезти ее ребенка сюда, к отцу девочки.

– Это что же, своего рода сюрприз?

Сильвии показалось, что какое-то подобие слабой улыбки отразилось на тонких,
высохших губах старой леди, после чего, не дожидаясь ответа, она крикнула:

– Бейтсон, нечего здесь стоять и слушать. Иди и приведи Нэнни.

– Слушаюсь, моя госпожа.

Леди Клементина вдруг заговорила очень тихим голосом, как будто сама с собой.

– Значит, Алиса умерла. Я всегда знала, что она долго не протянет. Но она меня все же,
удивила. Не думала, что сможет произвести на свет ребенка. Надо же, вылитый Роберт!

– Полагаю, у вас нет сомнений на этот счет?

Эти слова, произнесенные в дверях комнаты ледяным тоном, заставили Сильвию
вздрагнуть. Обернувшись, она увидела, как из затемненной части комнаты по направлению
к свету идет сэр Роберт – высокий, красивый, но кажущийся невероятно надменным. Леди
Клементина засмеялась неприятным, похожим на кудахтанье смехом.

– Ты видел ее, Роберт. Ты не можешь не признать своих волос. Алиса все-таки ото-
мстила тебе. Мы можем только радоваться, что это не мальчик.

– Отчего же, это могло бы сразу же разрешить все твои проблемы, – заметил сэр Роберт.
Он прошелся по направлению к камину и повернулся спиной к огню.

– Сын, родившийся от такой матери, как Алиса, вряд ли принес бы какую-то пользу
Шелдон-Холлу, – откликнулась леди Клементина, и Сильвия отметила для себя, что слова
прозвучали как продолжение старого спора.

– Я всегда только и слышал от вас, дорогая матушка, что Алиса вообще не способна
родить ни мальчика, ни девочку, – с холодной учтивостью сказал сэр Роберт. – Но все же,
это случилось, вы оказались не правы.

Мать и сын посмотрели друг на друга каким-то странным взглядом. Сильвии показа-
лось, что в нем была ненависть, но она, тут же решила, что, должно быть, просто очень
устала. Путешествие было таким утомительным, да и обстановка, в которой она оказалась,
очень поразила ее, так что неудивительно, что в голову могли прийти всякие странные
мысли. Именно в этот момент Люси вдруг захныкала.

– Я устала, я хочу пить. О мисс Уэйс, поедemте домой. Сильвия опустилась на колени перед девочкой и обняла ее.

– Все в порядке, дорогая, – сказала она, а затем обратилась к леди Клементине: – Мы в пути с самого раннего утра. Пожалуйста, позвольте мне положить девочку спать.

– Ясное дело, что ребенку пора отдыхать! Где Нэнни? Я послала за ней.

В дверь постучали.

– Входи, входи, – произнесла леди Клементина раздраженно. – Ну, наконец-то, Нэнни. Надеюсь, Бейтсон ввел тебя в курс дела и мне нечего объяснять. Устрой ребенка и мисс...

Она сделала паузу.

– Уэйс, – вставила Сильвия. – Сильвия Уэйс.

– Покажи ей комнату, а затем приведи сюда, я хочу задать ей несколько вопросов.

– Слушаюсь, миледи.

Нэнни вошла в комнату, и Сильвия с облегчением заметила, что это была женщина лет шестидесяти с улыбчивым и добродушным лицом. Казалось, что ее большая грудь и полные руки созданы именно для того, чтобы убаюкивать детей.

От ее белой шапочки и накрахмаленного передника веяло домашним теплом.

«Единственный нормальный человек в этом доме», – подумала Сильвия.

Она взяла Люси на руки и, следуя за Нэнни, вышла из комнаты. Пока они шли по коридору, девочка немного капризничала, а в спальне уснула еще до того, как ее раздели.

– Я останусь с ней, – сказала Нэнни, – ее милость желает поговорить с вами.

Они вместе раздели Люси, распаковали ее вещи. Сильвия сразу же почувствовала расположение к этой старой женщине.

– Я нянчила сэра Роберта, – сказала она. – И сразу поняла, что это его ребенок. Если ее постричь покороче, то будет вылитый сэр Роберт в детстве. Вы представить себе не можете, какой он был милый и ласковый.

«Однако с тех пор очень сильно изменился, – подумала Сильвия. – Теперь он скорее вызывает страх, чем любовь, и в нем так же, как и в его матери, есть нечто холодное, бесчеловечное. Хотя, возможно, я так думаю потому, что мне никогда не приходилось сталкиваться с людьми их круга».

И все же она почувствовала, что здесь кроется какая-то другая причина. В поведении матери и сына было что-то отчужденное, почти зловещее. И хотя теперь в этой теплой и уютной комнате Сильвии показалось, что она все преувеличивает, ей так и не удалось избавиться от неприятного, гнетущего чувства, похожего на страх. Ей очень не хотелось снова встречаться с леди Клементиной и ее сыном. Но делать было нечего, и, помыв руки и наскоро причесав волосы, она сказала Нэнни, что готова идти. Напоследок девушка глянула в зеркало. То, что она увидела, несколько приободрило ее: по крайней мере, нечего бояться за свой внешний вид. Тем не менее, следуя за Нэнни по длинному коридору, ведущему к спальне леди Клементины, Сильвия чувствовала себя совершенно беззащитной. Нэнни оставила ее у двери.

– Только постучите, – сказала она, а затем, ободряюще улыбнувшись, добавила: – Все будет хорошо. – Но от этого Сильвия не почувствовала себя уверенней.

Она постучала, но ответа не последовало. Напряженно прислушавшись, девушка услышала за толстой дубовой дверью голоса: леди Клементины и чей-то еще, более низкий и спокойный, но, в то же время слегка раздраженный.

«Значит, сэр Роберт все еще у нее, – подумала Сильвия. – Интересно, куда же подевались его гости?»

Она уже была готова уйти, чтобы не прерывать их беседу, тем более что ее стука никто не услышал, как неожиданно дверь распахнулась.

– Мне показалось, что кто-то стучит, – сказал сэр Роберт. – Мама, это мисс Уэйс.

– Пусть войдет, – сказала леди Клементина, а затем, когда Сильвия приблизилась, заметила: – Вас долго не было. Вы могли бы оставить ребенка с Нэнни, с ней бы и без вас упростились.

– Я хотела сама проследить за всем. Ведь Люси могла в любой момент обратиться ко мне с просьбой, – вежливо объяснила Сильвия.

Леди Клементина хмыкнула и указала на стул рядом с кроватью.

– Садитесь.

Сильвия подчинилась, чувствуя себя как провинившаяся прислуга.

Сэр Роберт устроился напротив камина.

– Итак, – обратилась к ней леди Клементина, – не расскажете ли нам, почему вы здесь оказались?

Сильвия постаралась изложить все более-менее подробно, но, не вдаваясь в детали. Рассказала о смерти миссис Кэнингэм, вызванной неожиданным кровотечением, о последней просьбе умирающей сопроводить Люси в Шелдон-Холл.

– Значит, он бросил ее.

Леди Клементина посмотрела на сына, и на ее лице отразилось явное удовлетворение.

– Я знал это, – сказал сэр Роберт.

– Знал? – воскликнула леди Клементина. – И не сказал мне?

– В этом не было необходимости, это вам знать ни к чему, – ответил сэр Роберт.

– Вздор, почему это нет?

– Узнай я это от нее – другое дело, а так... Тот, кто мне об этом рассказал, сам узнал обо всем не из первых рук.

– А если бы она написала тебе?

– Боюсь, что я бы не устоял перед соблазном предложить ей вернуться.

– Тьфу! – воскликнула леди Клементина с брезгливостью. – Ты всегда был до смешного, сентиментальным. Она тебя бросила, когда ты стал ей не нужен.

– Но ведь она все же сделала снисхождение, прислав мне дочь.

Леди Клементина со злостью посмотрела на сына.

– Я полагаю, ты не можешь не понимать, что это был единственный выход. Не думаю, что молодой Кэнингэм стал бы ее содержать.

– Это уже другой вопрос, – возразил сэр Роберт. – Давай отдадим должное Алисе. Она прислала мне ребенка, и я очень этому рад.

– Почему? Что тебе это даст? – резким голосом, подозрительно глядя на сэра Роберта, спросила леди Клементина.

– Ну, например, Люси могла бы принести хоть немного счастья в эти мрачные стены.

В голосе и словах сэра Роберта чувствовалась неуловимая насмешка. Он пересек комнату и встал рядом с Сильвией.

– Позвольте мне выразить вам благодарность, мисс Уэйс, за то, что не отказались привезти мою дочь сюда. Я очень вам признателен. Надеюсь, вы сможете побыть с Люси хотя бы некоторое время.

– Благодарю вас, – промолвила Сильвия, изо всех сил стараясь скрыть то облегчение, которое вызвали у нее слова сэра Роберта. Ей не давал покоя вопрос, нужна ли будет ее помощь в доме, где уже есть няня. Она думала об этом, даже когда она помогала распаковывать сундуки Люси. Ведь Нэнни была старой и проверенной служанкой. Для чего им незнакомый человек? И вообще, зачем Люси еще одна нянька?

– У мисс Уэйс могут быть свои планы, – резко произнесла леди Клементина, и Сильвия, поняв, что ее положение очень шаткое, быстро сказала, обращаясь к сэру Роберту:

– У меня нет никаких других планов, и я буду очень рада остаться с Люси, если это возможно.

– Надеюсь, что вы будете чувствовать себя как дома, – продолжал сэр Роберт, и Сильвии снова почудилось, что он насмехается, но не над ней, а над леди Клементиной. Направляясь к двери, он бросил через плечо: – Моя мать расскажет вам, как счастливо мы живем в Шелдон-Холле.

Теперь в его голосе вместе с насмешкой послышалась горечь.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 5

Сильвия проснулась с тяжестью на душе, но, открыв глаза и осознав, где находится, ощутила приятное волнение. Ее ждала новая жизнь, и это было похоже на приключение.

Она села на кровати, отбросила на спину свои длинные волосы и затем, когда сон окончательно прошел, прыгнула с постели и, широко раздвинув шторы, выглянула в окно. Оно выходило на фасад дома, и Сильвия увидела подъездную дорогу для экипажей – именно по этой дороге они вчера прибыли в Шелдон-Холл. Парк был празднично белый в снежном убранстве, а огромная гладь озера, раскинувшегося слева от дома, покрыта льдом. На льду в какой-то растерянности сидели утки и лебеди, словно не понимая, почему привычная вода вдруг стала твердой.

На дальнем берегу озера стоял маленький храм, очаровавший Сильвию своей строгой красотой. Он был так великолепен, что, глядя на него, девушка даже испытала благоговейный трепет. Оторвав взгляд от окна, она посмотрела на комнату, и в ее памяти мгновенно всплыли все подробности того, что случилось прошлой ночью. В какой-то момент ей показалось, что это был сон, но она перевела взгляд на дверь, которая вела в комнату Люси, и поняла, что не спит.

Люси спала в более просторной из двух смежных комнат. Сильвии же отвели комнату поменьше, которую обычно использовали как гардеробную. В предположении девушки обе комнаты были очень большими, и все в них поражало ее воображение: и тяжелые шторы из дамаста, и внушительного размера мебель красного дерева. Еще перед тем, как лечь в постель, она осмотрела все вокруг, ощущая легкий трепет и даже страх от такой роскоши. Ей показалось, что крепко спящая в своей кроватке Люси была единственным звеном – причем очень ненадежным, – связывающим ее с тем миром, который она оставила позади. Она склонилась над спящей девочкой и с радостью заметила, что ее лицо выражало полную безмятежность. То, что она немного поплакала перед тем, как уснуть, объяснялось всего лишь усталостью долгого путешествия, но все же Сильвии пришло в голову, что Люси может проснуться среди ночи и испугаться, поэтому она оставила дверь в комнату девочки открытой и слегка передвинула свою кровать.

Сильвия полагала, что долго не сможет заснуть, так о многом нужно было подумать, столько накопилось всяких впечатлений, в которых хотелось разобраться, но как только голова ее коснулась подушки, она провалилась в глубокий крепкий сон. Как долго он длился – неизвестно, но она вдруг проснулась, и ее на мгновение охватило странное ощущение: было непонятно, где она находится. Казалось, что вот-вот перед глазами появятся знакомые очертания ее собственной маленькой, похожей на вагон комнатки, в доме, где они жили с матушкой. Огонь едва горел за решеткой камина. Его света хватало только для того, чтобы освещать золоченые рамы картин и зеркала и отбрасывать страшную тень от громадного гардероба.

Неожиданно девушка услышала, как дверь открывается. Сердце ее бешено забилося, а глаза расширились от страха. Правда, это была не ее дверь, а та, которая вела из коридора в комнату Люси. Кто-то вошел в комнату.

Девушка хотела было подняться и сесть в кровати, но она словно оцепенела от страха. Невозможно стало пошевелить ни рукой, ни ногой, хотя инстинктивным желанием было вскочить и закричать. Полоска света медленно ползла по комнате, и наконец, когда казалось, что сердце вот-вот выскочит из груди, она увидела свечу и... Она мысленно поблагодарила Бога за то, что сдержалась и не подняла шум, потому что увидела, как к кровати дочери медленно подошел сэр Роберт. Он остановился в ногах и пристальным долгим взглядом посмотрел на спящую девочку. Сильвия видела его профиль, его выразительные черты лица, блестя-

щие волосы, зачесанные назад и открывавшие квадратный лоб. «А он красивый, – подумала девушка. – Очень красивый».

Продолжая наблюдать за сэром Робертом, Сильвия заметила, что он слегка покачивается. На мгновение она испугалась, подумав, что ему стало плохо, стала лихорадочно сообщать, что же ей делать, но очень скоро поняла, в чем дело. Просто свеча дрожала в его нетвердой руке, и он то и дело отклонялся, чтобы воск не капал на пуховое атласное одеяло и на полированную спинку кровати. В голову Сильвии полезли всякие страшные мысли. Но тут сэр Роберт так же медленно, как пришел, повернулся и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Его шаги постепенно затихли в коридоре.

Дрожа всем телом, девушка лежала в темноте. И чего только испугалась? Спустя несколько минут, испытывав полное душевное и физическое изнеможение, она провалилась в сон, не в силах больше размышлять о странных вещах, которые происходили в этом странном доме.

Сейчас все произошедшее представилось ей так отчетливо, так живо, что в его достоверности нельзя было сомневаться. Но только она решила, как следует обо всем подумать, как Люси позвала ее из соседней комнаты.

– Вы проснулись, мисс Уэйс? Пожалуйста, позвольте мне встать!

Сильвия поспешила к девочке, и пока они одевались, в дверь постучала Нэнни. Она удивилась, увидев их почти одетыми, и сказала, что не зашла раньше, потому, что хотела дать им выспаться.

– Я заказала для вас завтрак, который накроют в моей комнате.

Сильвия почувствовала облегчение. Она боялась, что завтрак может быть в столовой и ей поневоле придется встретиться с сэром Робертом так рано. Девушка чувствовала, что ей нужно какое-то время, чтобы психологически подготовиться к новой встрече с ним.

Но когда она все же, увидела сэра Роберта, ее страхи и опасения показались смешными. Это произошло вскоре после завтрака, когда они с Люси осматривали сад. Он верхом подъехал к ним по снегу в сопровождении двух больших собак, которые бежали рядом. Люси радостно помахала ему. Она была дружелюбным, общительным ребенком, совершенно не знающим, что такое застенчивость.

– Какая хорошая лошадка, – воскликнула девочка, как только сэр Роберт подъехал достаточно близко, чтобы ее слышать. – А у меня скоро будет пони? Мамочка всегда мне обещала купить.

– Мы подумаем, как решить эту проблему, – сказал сэр Роберт и, приподняв шляпу, поприветствовал Сильвию. – Доброе утро, мисс Уэйс. Надеюсь, вы с Люси хорошо выспались?

– Очень хорошо, благодарю вас, – ответила Сильвия, чувствуя, как кровь прилила к щекам, и стыдясь этого проявления эмоций. Но сэр Роберт вовсе не смотрел на нее, его взгляд был прикован к Люси.

– Может быть, ты хочешь поехать в конюшню посмотреть моих лошадей? – спросил он.

Люси захлопала в ладоши от удовольствия.

– О, пожалуйста, отвезите меня туда прямо сейчас!

– Но тебе придется сесть ко мне на лошадь. Вот сюда, спереди, – сказал он. – Ты не испугаешься?

Люси покачала головой. Сэр Роберт обратился к Сильвии:

– Не можете, ли посадить ее?

Сильвия приподняла Люси, а сэр Роберт, наклонившись вперед, подхватил девочку под руки, поднял и усадил в седло перед собой.

– Я привезу ее домой, когда мы закончим, мисс Уэйс, – сказал он, и они ускакали. Сильвия почувствовала себя свободной. Она медленно пошла назад к дому по только что выметенной тропинке. При свете дня Шелдон-Холл потерял часть своей волшебной красоты, которой он пленил ее воображение накануне ночью. Теперь, находясь вблизи от него, девушка почувствовала, что ее подавляют его размеры, его величие, большие каменные купола, террасы, расположенные с обеих сторон и простирающиеся к симметрично посаженным садам. Рядом с домом не было деревьев, потому что позади него до самого горизонта тянулась пустошь, заросшая вереском, который поднимался все выше и выше, вырисовываясь своими белыми, обледеневшими верхушками на фоне бледного зимнего неба. Нигде в пределах видимости не было ни единого дома или какого-либо жилища, и неожиданно Сильвии показалось, что Шелдон-Холл, отрезан от мира. Красивый дом, способный вызывать восхищение, но никак не любовь. А еще Сильвия почувствовала, что та атмосфера, которая царит в доме, тоже способствует такому впечатлению о нем. Может быть, это было только ее воображение, но все – и тишина длинных коридоров, и огромного размера залы, и величие каждой комнаты, в какую бы она ни входила, – словно обдавало ее холодом, как будто ходишь по склепу, а не по дому, где обитают живые люди.

«Поэтому-то все такое странное», – подумала Сильвия.

Контраст между тем, что окружало ее раньше, и тем, что она видела здесь, был слишком сильным. Девушка вошла в дом через переднюю дверь. Солнечный свет остался снаружи, и холл, несмотря на пылающие ярким пламенем огромные поленья в открытом камине, казался холодным и нежилым. Шторы на высоких окнах были раздвинуты, но рассеивали свет и бросали странные тени. Теперь, когда Сильвия временно оказалась свободной, она решила взглянуть на украшавшие стены картины. Большинство из них были семейными портретами, и почти каждый имел сходство с сэром Робертом и Люси.

Шелдоны были очень красивые люди, а мужчины в особенности.

Сильвия как раз рассматривала портрет с надписью «Сэр Хьюго Шелдон, пятый баронет», когда вдруг позади, раздался тихий голос. От неожиданности она даже вздрогнула.

– Отец сэра Роберта, мисс. Это был Бейтсон.

– О Боже, вы испугали меня, – воскликнула Сильвия. Казалось, в глазах дворецкого застыл немой вопрос.

– Я просто шла наверх, – произнесла она вежливо, почувствовав досаду от того, что оправдывается перед ним.

– В этом нет ничего удивительного, – произнес Бейтсон угодливым тоном. – Я знаю, что вы общались с ее милостью, понятно, что вы должны заинтересоваться и ее семейством.

Сильвия, почувствовав в его словах явную издевку, повернулась и, всем своим видом изображая достоинство, пошла через холл, к ступенькам, ведущим наверх. И только после того как, уже поднявшись наверх, пересекла площадку и убедилась, что он ее не увидит, почти бегом припустилась вдоль коридора, пока не добежала до по-домашнему уютной комнаты Нэнни.

Служанка сидела с шитьем перед камином, когда появилась Сильвия.

– Ну как? Понравилась прогулка? – спросила она, подняв голову, и затем, прежде чем Сильвия успела ответить, спросила: – А где мисс Люси?

– Мы встретили сэра Роберта, – ответила Сильвия, – и он повез ее в конюшню посмотреть лошадей.

Нэнни отложила работу.

– Надо же, никогда бы не подумала! Но я рада! Очень рада! – Она произнесла это совершенно искренне.

– Люси была просто в восторге. Она очень общительный ребенок.

– У ее милости прекрасные манеры, – заметила Нэнни, – так что и, у ее внучки должны быть такие же, но боюсь, что сэр Роберт...

На этих словах она запнулась, как бы поняв, что говорит лишнее. Сильвии вдруг захотелось рассказать Нэнни о том, что случилось этой ночью, но она, все же решила не выдавать сэра Роберта, так как это было бы неучтивостью по отношению к нему. В конце концов, если он захотел прийти и посмотреть на свою дочь, то, кому какое дело?

Нэнни прервала ее размышления:

– Вам нравится мисс Люси? Сильвия села на стул напротив Нэнни.

– Если вы хотите узнать от меня истинную правду, – сказала она, – то я знаю ее совсем недолго. Я впервые увидела девочку прошлой ночью, но не говорила об этом, ни сэру Роберту, ни леди Клементине. Мне кажется, что это не важно.

– Но вы бы хотели остаться с ней? – спросила Нэнни.

– Очень, – с горячностью ответила Сильвия, – мне нужна работа, а кроме того, мне некуда идти.

Нэнни закивала головой.

– Да, да, это был бы выход. Что ж, мисс Уэйс, вы были со мной откровенны, и я тоже буду откровенной с вами. Думаю, если вы останетесь здесь, это будет большим благом для Люси. Я уже слишком стара для такого маленького ребенка, которому нужно, чтобы рядом был кто-то такой молодой и активный, как вы. Но мое мнение здесь мало что значит, это вы должны помнить. В доме есть другие люди, которые смотрят на все совершенно другими глазами.

– Вы имеете в виду леди Клементину? – отважилась спросить Сильвия.

– Я не буду называть никаких имен, – ответила Нэнни. – Вы должны сами делать выводы. Но если вы хотите остаться здесь, то должны быть хитрой и осторожной, как говорят шотландцы. А это будет не так-то легко.

Сильвия вспомнила предупреждение Нэнни, когда перед самым ленчем ее вызвала к себе леди Клементина. За несколько минут до этого Бейтсон привел к ней Люси. У девочки покраснели щеки, и она просто светилась от восторга, от увиденного в конюшне и от того удовольствия, которое доставило ей общение с лошадьми.

– Я каталась одна! Правда, мисс Уэйс! – Она не говорила, а выкрикивала. – И у меня будет свой собственный пони! Тогда я смогу кататься верхом каждый день.

– Это будет здорово! – улыбнувшись, сказала Сильвия. Она приготовила Люси к ленчу, сменив ей чулки и переодев в одно из красивых муслиновых платьев с оборками.

И только Сильвия успела это сделать, как ей сообщили, что леди Клементина желает ее видеть. Взяв с собой Люси, девушка отправилась в спальню хозяйки дома. Ее комната по-прежнему казалась мрачной и зловещей, хотя шторы на трех высоких окнах, выходящих во внутренний двор, были раздвинуты. И, несмотря на то, что повсюду стояли огромные вазы с цветами из оранжереи, в ней ощущался едва уловимый запах плесени и старины, как будто, здесь уже давно не жили. При дневном свете леди Клементина выглядела еще более странно. Ее кожа напоминала пергамент, а блестящие массивные драгоценности, которые были на ней, подчеркивали многочисленные и глубокие старушечьи морщины.

– Подойдите! – сказала она повелительным тоном, как только Сильвия и Люси вошли в спальню. – Почему вы не пришли ко мне утром?

– Простите, – тихо проговорила Сильвия. – Я не знала, что вы ждали Люси.

– Люси должна запомнить, что бабушка всегда ждет ее. Ты должна каждое утро приходить ко мне и здороваться, детка. Ты меня поняла?

Люси уставилась на леди Клементину округлившимися глазами, но без тени испуга.

– Вы моя бабушка? У меня раньше никогда не было бабушки.

– Не было? Вот и хорошо, – заметила леди Клементина. – Да, я – твоя бабушка. Как тебе нравится этот дом?

– Мне кажется, что он красивый, – ответила девочка. – У меня будет пони. Мой собственный.

– Кто это сказал? – резко спросила леди Клементина.

– Это... – Люси обернулась к Сильвии, не зная, как сказать.

Сильвия посмотрела на девочку, а затем, осознав, что до нее еще никто этого не проносил, решительно сказала:

– Это твой отец пообещал тебе пони, Люси.

– Мой отец?

Показалось, что Люси была озадачена, но совсем недолго. Через несколько мгновений она уже приняла объяснение как должное. То, что у нее объявилось столько родственников за один день, вовсе не казалось ей необъяснимым.

– Я должна звать его «папа»?

– Думаю, что это было бы очень неплохо, – сказала Сильвия и, подняв голову, встретилась с колючим взглядом леди Клементины.

– Так, оказывается, все уже решено? – сухо заметила она, скорее констатируя факт, чем задавая вопрос.

– Полагаю, что так, – ответила Сильвия, делая вид, будто не понимает, что леди Клементина подразумевает гораздо большее, чем покупка пони.

– Ну, а как насчет вас, мисс Уэйс?

Сильвии показалось, что леди Клементина ждала этого момента.

– Насчет меня?

– Я полагаю, у вас есть какие-то планы на будущее? Сильвия глубоко вздохнула.

– Я надеюсь на то, что мне было обещано накануне, на возможность остаться здесь и приглядывать за Люси.

– Это мы еще посмотрим, – заметила леди Клементина. – У вас есть родственники?

– Моя матушка умерла. И мне очень важно найти работу.

– Значит, вы думаете, что роль гувернантки в Шелдон-Холле вам подходит?

Вопрос, казалось, был простым и ясным, но Сильвия почувствовала, что леди Клементина готовит какую-то ловушку.

– Я была бы очень рада, если бы меня взяли на это место, – робко произнесла она.

– Мы должны обсудить разные стороны этого вопроса, – заметила леди Клементина. – Например, жалование, но боюсь, мисс Уэйс, что вы нам очень дорого обойдетесь. Судя по вашей одежде, вы, должно быть, женщина со средствами.

Сильвия почувствовала, как ее лицо вспыхнуло. Она инстинктивно поняла, что как раз к этому леди Клементина и вела. Дорогое, сшитое рукой настоящего мастера платье, которое было на ней, не ускользнуло от взгляда пожилой леди. Она сразу определила его цену и, ясное дело, заподозрила гувернантку, которая была так хорошо одета.

– Я вам сейчас все объясню, – промолвила Сильвия и затем, обратившись к Люси, сказала: – Беги к Нэнни, дорогая. Ты ведь знаешь дорогу, не так ли?

– Да, знаю, – ответила Люси. – До свидания, бабушка. Надеюсь, что еще увижу вас сегодня.

– Я тоже надеюсь, – сказала леди Клементина и, дождавшись, когда за Люси, громко захлопнулась дверь, спросила: – Ну, мисс Уэйс?

Сильвия вдохнула побольше воздуха. «Да, она наслаждается ситуацией, – подумала она о старухе. – Попросту получает удовольствие, выставляя меня душой».

Сама того не замечая, девушка выпрямилась, подняв высоко голову, и дерзко посмотрела на леди Клементину своими голубыми глазами.

– Вы спрашиваете меня о платье, – начала она, – пожалуй, я объясню. Моя матушка умерла в тот же день, что и мать Люси. У меня не было времени, чтобы приобрести траурное платье перед тем, как отправиться в Шелдон-Холл. Я пообещала доставить Люси сюда, и в последний момент мне дали это платье.

– Это сделала моя невестка? – спросила леди Клементина. – Узнаю ее вкус.

Сильвии очень хотелось сказать старой леди, что это ее не касается, но вместо этого, по причине своей неопытности в общении с пожилыми людьми, она выложила всю правду.

– Нет, мне его дала сиделка. Вы не ошиблись, предполагая, что оно принадлежало вашей невестке.

– Я так и думала.

Леди Клементина откинулась на подушки.

– Ну что ж, мисс Уэйс. Я рада, что вы мне не солгали. Видите ли, мне интересно знать правду. Молодые женщины, так стремящиеся получить место гувернантки, обычно не носят такие наряды.

Сильвия ничего не ответила. Она почувствовала себя так, будто ей только что пришлось поучаствовать в битве и потерпеть поражение.

– Это все, мисс Уэйс, на настоящий момент. Мы обсудим другие вопросы, о которых я говорила, главным образом о вашем пребывании здесь, в другой раз.

– Благодарю вас.

Сильвия направилась к выходу, чувствуя, что леди Клементина не сводит с нее глаз, оценивая каждое движение. Когда девушка оказалась в коридоре, лоб у нее покрылся испариной, а сердце неистово колотилось. В тот момент она была готова отдать все на свете, только бы покинуть этот дом. Сильвия прошла в свою комнату за носовым платком. Пальто, которое было на ней утром, так и лежало на стуле, где она его оставила, когда готовилась к ленчу. Девушка взяла его, чтобы повесить в гардероб, и, открыв дверцу, сразу же увидела, что кто-то рылся в ее вещах. Трудно объяснить, откуда взялась такая уверенность, у нее, просто появилось чувство, что раньше вещи были развешаны в другом порядке.

«Наверное, мне померещилось», – подумала Сильвия, но когда увидела розовато-лиловое вечернее платье, то поняла, что не ошибается. Нижняя юбка с пришитым к ней ярлычком от королевского портного была вывернута наизнанку. Кто-то его трогал и, вероятно, даже носил показать в спальню леди Клементины.

Это было очевидно. Не зря же старуха задавала свои вопросы, вынудив Сильвию признаться, что одежда была не ее. Но зачем кому-то следить за ней? Почему леди Клементина так интересуется ею? Сильвия неожиданно представила, что эта старая леди похожа на паука и что каждая вещь в этом доме попадает в ее паутину. А ведь миссис Кэнингэм предупредила ее, и Нэнни – тоже.

Сильвия закрыла дверцу гардероба. Она разозлилась, но вместе с тем и испугалась. В этом доме происходило что-то непонятное, что-то неуловимо странное и недоступное ее пониманию. Что это могло быть? Но с другой стороны, у нее не было выбора. Что с ней будет, если ее уволят?

Она представила дядю Октавиуса в его доме в Гастингсе. То, что она чувствует в Шелдон-Холле, не идет ни в какое сравнение с тем страхом, который охватывает ее при мысли о такой перспективе. Разве дядюшка не страшнее для нее, чем леди Клементина и сэр Роберт вместе взятые?

Сильвия знала ответ. Издав тихий вздох, напоминающий всхлипывание и смех одновременно, она открыла дверь и побежала искать Люси.

Глава 6

– Нэнни, я боюсь!

Отложив шитье, Нэнни посмотрела на Сильвию, сидевшую по другую сторону камина.

– Леди Клементину? – спросила она. Сильвия кивнула.

– Она не собирается держать меня здесь и хочет, чтобы я ушла, я это знаю, хотя пока она не сказала ничего определенного.

Нэнни вздохнула.

– Я ожидала, что так и будет.

– Она что-нибудь вам сказала? – спросила Сильвия.

– Ну, не так много. Но ее милость всегда немногословна. После того, как решит от кого-то избавиться, она еще долгое время будет играть с ним в кошки-мышки.

– Но почему, Нэнни? Почему она меня невзлюбила? Что я такого сделала?

Нэнни поджала губы, и Сильвия поняла, что она размышляет о том, стоит ли открывенничать. Ясное дело, прежде всего она предана дому, в котором служит, и своим хозяевам.

Она могла бы много всего рассказать Сильвии, как человеку новому, недавно появившемуся в этом доме, но хранила молчание, чтобы представить все в лучшем виде, если не для Сильвии, так уж хотя бы для Люси. Служанка молчала. Но, как она ни старалась, было все же много такого, что невозможно утаить.

– Видите ли, – сказала, наконец, Нэнни, тщательно подбирая слова, – ее милость управляет домом более полувека. Она не любит женщин. Я часто слышала, как она говорит, что предпочитает иметь в услужении только мужчин. Кроме того, вы молоды и привлекательны. – Произнеся это, Нэнни улыбнулась, но Сильвия не ощутила радости от ее комплимента.

– Спасибо, Нэнни, но что здесь хорошего? Ведь это лишает меня возможности остаться здесь и зарабатывать на жизнь.

– Да, это и в самом деле несправедливо, – согласилась Нэнни. – Я знала многих девушек, пострадавших из-за своей внешности. Если женщина небогата, то ее красота оборачивается для нее скорее проклятием, чем счастьем. Это уж точно.

Сильвия в отчаянии наклонила голову, стараясь справиться со слезами, готовыми вот-вот хлынуть из глаз. Все это казалось жестоким и абсурдным. Ей казалось, что если бы не леди Клементина, то она была бы счастлива здесь. Правда, она боялась сэра Роберта. Сопровождать Люси к ленчу в столовую, когда там находился он, было для нее смерти подобно. Она боялась его. Боялась его холодного, бесстрастного высокомерия, того, что он, казалось, почти не замечал ее присутствия, но при этом оказывал на нее странное влияние. Сильвия чувствовала его уже тогда, когда он только открывал дверь. Она пыталась успокоить себя мыслью о том, что скоро привыкнет и что все это лишь результат ее долгого затворничества, ведь, когда она жила с матерью, ей никогда не приходилось встречаться с мужчинами. Обычная застенчивость, успокаивала себя Сильвия, надеясь, что придет время, когда она сможет свободно разговаривать с сэром Робертом и вести себя естественно и непринужденно в его присутствии.

Но леди Клементина была ее врагом. Сильвия поняла это с того момента, когда старая леди с изощренной жестокостью заставила ее признаться в том, что одежда, которая на ней была, принадлежала другой женщине. Кроме того, Нэнни ясно дала понять, что леди Клементина играет с ней в кошки-мышки. Сильвии не было сказано ничего определенного о том, останется ли она в Шеддон-Холле или покинет его, и она все время чувствовала себя как на иголках, пребывая в состоянии постоянного беспокойства и страха.

Например, этим утром, когда Люси навещала бабушку, леди Клементина сказала ей:

– Когда растает снег, Люси, попроси Бейтсона взять тебя на крышу. Ты сможешь увидеть, какой прекрасный вид открывается оттуда.

– Вот здорово! – воскликнула Люси. – А можно мисс Уэйс пойдет с нами?

Леди Клементина посмотрела на Сильвию тяжелым взглядом.

– Думаю, мисс Уэйс это вряд ли заинтересует, даже если она здесь останется.

Она больше ничего не добавила, но Сильвии было и этого достаточно, чтобы понять, на что намекает леди Клементина.

– Я не хочу уезжать, Нэнни! – воскликнула она в отчаянии.

– Я знаю, милая, – сказала Нэнни. – Но уж если ее милость примет какое-то решение, то бесполезно ее переубеждать. Она всегда была такой. Помню, когда я впервые здесь появилась, она была молода и красива, хотя сейчас это трудно представить, но уже тогда у нее был такой твердый характер, такая воля, что никто не осмеливался ей противоречить.

– Даже ее муж? – поинтересовалась Сильвия, вспомнив привлекательное лицо на портрете, который она видела в зале.

– Сэр Хуго боготворил ее тогда, – откликнулась Нэнни. – Вот только после того, как...

– Она вдруг замолчала, а затем, как будто почувствовав, что говорит лишнее, стала быстро собирать свое шитье.

– После чего? – с любопытством спросила Сильвия.

– Что-то я разболталась, – ответила Нэнни. – Прошное лучше оставить в покое и не ворошить его.

– Я всегда чувствовала, что существует какая-то тайна вокруг леди Клем... – начала, было, Сильвия, но запнулась, увидев, как открылась дверь и в комнату вошел Бейтсон.

– Сэр Роберт желает видеть вас в кабинете, мисс.

От неожиданности Сильвия ахнула и вскочила на ноги.

– Зачем это я ему понадобилась, – взволнованно проговорила она, обращаясь скорее к себе, чем к присутствующим. Взглянув на Бейтсона, она заметила торжествующе-злорадное выражение.

Должно быть, меня ждет что-то неприятное, раз Бейтсон так доволен, подумала она.

В последние дни девушка убедилась в том, что Бейтсон относится к ней с той же неприязнью, что и леди Клементина. И хотя он ничего такого не говорил и вел себя очень предупредительно и корректно, ей казалось, что он не сводит с нее глаз. В какой бы части дома, за исключением комнатки Люси, она ни появилась, рядом обязательно оказывался Бейтсон. Он тут же начинал разговаривать с ней своим тихим вкрадчивым голосом и все время, по какой-то необъяснимой причине, пытался дать ей понять, что она здесь человек чужой и никому не нужный.

Сильвия расправила подол платья и, даже не взглянув на Бейтсона, прошла мимо него. Она шла впереди него по коридорам, а затем вниз по большой дубовой лестнице и постоянно ощущала за своей спиной его тихие, почти бесшумные шаги.

Сильвия первая дошла до библиотеки и остановилась в ожидании того момента, когда Бейтсон откроет дверь. Он сделал это не сразу. Сначала выдержал паузу, а затем все с той же чуть заметной улыбкой на губах возвестил:

– Мисс Уэйс, сэр Роберт.

Сильвия вошла и увидела, как сэр Роберт, встает со стула с высокой спинкой, на котором только что сидел. Девушка перевела взгляд на другого человека, сидевшего рядом с ним, и ее сердце замерло. Предчувствие того, что ее ждет что-то неприятное, оправдалось. Большей неприятности и представить себе было нельзя. Перед ней, угрожающе нахмурив лоб и сцепив в замок жирные белые пальцы на большом животе, сидел дядя Октавиус в темном церковном одеянии.

– Дядя... – робко и почти шепотом пробормотала она.

– Похоже, дорогая племянница, ты совсем не ожидала увидеть меня.

– Да, я не думала, что вы приедете так далеко.

– Для того, кто исполняет свой долг, нет такого понятия, как далеко. Когда наше сознание диктует нам, что нужно делать, мы должны повиноваться. Должен признать, дорога сюда была длительной и нелегкой. Но я готов выдержать любые испытания для твоего блага.

– Для моего блага? – как эхо повторила Сильвия.

– Именно так. Я был удивлен, если не сказать поражен, когда, прибыв на похороны твоей бедной матушки, обнаружил, что ты уехала из дома, не выполнив свой дочерний долг, не подумав о том, как такой поступок может ранить мои чувства.

Сильвия сделала глубокий вдох и попыталась возразить:

– Дядя Октавиус, я думала, что вы поймете...

– Пойму что? Что для тебя интересы незнакомого человека оказались важнее, чем интересы собственной семьи? Что ты предпочла делать то, что тебе вздумалось, не подумав о том, что нужно, прежде всего, подчиняться общепринятым правилам, приличиям и нормам? Однако сейчас не время об этом говорить. Я объяснил все обстоятельства сэру Роберту. У дверей ждет экипаж, так что незачем терять время, иди и упакуй свои вещи.

– Упаковать вещи? – воскликнула Сильвия. – Значит, вы хотите...

– Ты что, еще не все поняла? – раздраженно спросил дядя Октавиус. – Я забираю тебя с собой домой, в Гастингс. Твоя тетя из доброты душевной согласилась позволить тебе жить с нами и стать, как это было раньше, членом нашей семьи. Ты, конечно же, будешь выполнять определенные обязанности, ну а как же иначе, ты же все-таки нам не родная дочь? Теперь тебе все понятно?

Он взглянул на сэра Роберта, как будто ища поддержки.

– Но, дядя Октавиус, я лучше сама буду зарабатывать себе на жизнь. Вы, конечно, очень любезны, но я бы хотела жить самостоятельно.

– Самостоятельно! – в ужасе воскликнул дядя, как будто это слово было неприличным. – Боюсь, что ты сама не знаешь, что говоришь. Немедленно отправляйся и пакуй вещи. Я не могу попусту тратить время, выслушивая всякий вздор.

Сильвии показалось, что ее дядюшка объявил ей смертный приговор. Она в последний раз бросила на него полный отчаяния взгляд и повернулась к двери, но в этот момент совершенно неожиданно ее остановил голос, который она никак не ожидала услышать.

– Минуточку, мисс Уэйс. – Это произнес сэр Роберт, который на протяжении всего разговора стоял у камина.

Сильвия остановилась и, повернув голову, посмотрела на него.

«Какой же он красивый», – подумала она.

Сэр Роберт, такой элегантный и изысканный, и в самом деле очень отличался от коренастого тучного дядюшки, которому даже седина не смогла придать маломальской предстательности.

Контраст между этими двумя мужчинами, стоявшими рядом, был просто невероятным.

– Если я вас правильно понял, мисс Уэйс, – медленно произнес сэр Роберт, – вы не хотите ехать с вашим дядей к нему домой?

– Я бы так хотела вместо этого остаться здесь с Люси, – произнесла Сильвия.

– Думаю, что Люси тоже не против этого, – заметил сэр Роберт. – В таком случае, сэр, полагаю, у вас не должно быть возражений относительно того, что ваша племянница останется здесь.

– Но я ведь уже объяснил вам, – воскликнул дядя Октавиус, – что считаю поведение моей племянницы в высшей степени недостойным. Ее отношение к матери можно назвать не иначе, как исключительно бессердечным. Оставить мою покойную сестру одну, в пустом доме, а самой в это время отправиться на север, в путешествие по причине...

– ...сострадания, – перебил его сэр Роберт. – Я вижу, сэр, что вашей племяннице пришлось сделать выбор между долгом перед человеком живым и умершим. И она выбрала живого. На мой взгляд, это был очень разумный выбор. Так или иначе, факт остается фактом: она приехала сюда, позаботившись о моей дочери, и решила остаться, предложив свои услуги в качестве ее компаньонки и гувернантки. Полагая, что мисс Уэйс человек свободный, я решил предоставить ей работу в Шелдон-Холле. И раз она не совершила какого-либо преступления и по собственной воле желает остаться здесь, я не вижу никакой причины менять свои планы. – Сэр Роберт произнес это тоном, не терпящим возражений. Увидев испуг и удивление на лице дядюшки, Сильвия почувствовала волнение.

Как будто в последний момент перед казнью она получила отсрочку приговора, причем от того, от кого меньше всего этого ожидала. Было странно видеть, что ее дядюшка, всегда такой важный и напыщенный, сейчас выглядел совершенно растерянным и не знал, что сказать.

Наконец после некоторой паузы он все же нашелся.

– Это, конечно, ваша личная точка зрения, сэр Роберт, – произнес он, растягивая слова. – Но, в то же время, будучи официальным опекуном своей племянницы, я считаю, что она еще слишком молода, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Сколько вам лет, мисс Уэйс? – обратился к Сильвии сэр Роберт.

– В прошлом октябре мне исполнился двадцать один год, – ответила она.

Это было полным поражением дяди Октавиуса. Без особого труда сэр Роберт доказал, что она была сама себе хозяйка и, если хотела, могла устроиться на работу без разрешения опекуна. Сильвия посмотрела на сэра Роберта выразительным взглядом, а затем снова обернулась к дяде. Он был зол до такой степени, даже костяшки пальцев на сцепленных руках побелели. И все же ему нечего было возразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.